

УРОКЪ МАТУШКАМЪ.

РУССКАЯ ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ БЫЛЬ,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Н. ЗАГОСКИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Анна Степановна Слуккина.....	Сабурова.	Оома Оомичъ Фонъ-Дашъ, гу- бернскій докторъ.....	Пикифоровъ.
Варинька, падчерица Слуккиной.	Пацова.	ГУБЕРНАТОРЪ.....	Соколовъ.
Николай Ивановичъ Холмицъ, крестный отецъ Вариньки...	Щепкинъ.	ГУБЕРНСКІЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ.....	Волковъ.
Князь Верхоглядовъ.....	Жисокиинъ.	Аксенья, ключница.....	Слуккиной. Кашина. Богославская. Златопольская. Акимова. Григорьева. Лаарентьева.
Иванъ Федоровичъ Вель- скій.....	любимые въ Вариньку.	Кондратьевна, нянюшка....	
Алексѣй Андреевичъ Зо- ринъ.....		Даша, горничная.....	
Александръ Михайловичъ Тонскій.....	Потапчиковъ.	1-я дѣвушка.....	
Княгиня Ландышева, молодая вдова.....	Самаринъ.	2-я дѣвушка.....	
Глафира Филипповна Го- регладова,.....	Орлова.	Маленькая дѣвочка.....	
Ольга Дмитриевна Зарь- кая.....	Лескал.	Мальчикъ князя Верхоглядова.	
	Синсцкал.	Слуги князя Верхоглядова.	
		Слуги Слуккиной.	
		Гости обонхъ половъ, на балѣ у княгини Ланды- шевой.	

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ домѣ Слуккиной, обитую старинными обоями; по стѣнамъ развѣшаны
фамиліевые портреты; мебель ветхая, стараго фасона.

ЯВЛЕНІЕ I.

слуккина, холмицъ и варинька. Слуккина сидитъ
за ломбернымъ столомъ и раскладываетъ гранъ-
пассіансъ; Холмицъ также сидитъ подле нея на
стулѣ; Варинька стоитъ у раствореннаго окна.

слуккина, оттолкнувъ съ доса-
дою карты.

Опять не вышло!... А все этотъ проклятый
валетъ; пойдетъ, какъ пойдетъ!... Эй, дѣв-
ка!... Дашка!... (Входитъ горничная.)

Возьми, положи карты въ комодъ, въ третій
ящикъ!... Да что это, мать моя?... Никакъ въ
корсетъ?... Смотри пожалуй!... и онѣ ужъ
стали затягиваться!... Варинька!...

варинька, оборачивался, торо-
пливо.

Что вамъ угодно, маменька?

слуккина.

Ну, что?... Дождикъ пересталъ?

Кн. VII. — 1.

ВАРИЩКА.

Кажется, пересталъ, маменька.

СЛУКНИА.

Такъ на дворѣ прочищается?

ВАРИЩКА.

Кажется, прочищается.

(Въ эту минуту слышенъ большой шумъ отъ дождя.)

СЛУКНИА.

Чу!... Помилуй, матушка! Дождь ливнемъ льетъ, а ты говоришь... Да что ты — ослабла, что ль?... Эй, человекъ... человекъ!... (Человекъ входитъ.) Ну, что стоишь?... Слышишь, протекло въ гостиной!.. Ведро! (Слуга уходитъ.) Да вѣрно на чердакъ ушатовъ лѣтъ; вотъ я васъ, разбойники!... Смотри пожалуй, дождь иейлетъ!... прочистилось!... Да чего жъ ты въ окно-то смотрила, сударыня?... Ужъ не на этого ли молодчика?...

ХОЛМНИЦЪ.

На кого это, матушка Анна Степановна, на кого?

СЛУКНИА.

Да вотъ недавно отвели квартиру, противъ нашего дома... терпѣть не могу этого усача! Ну, словно осенняя муха, такъ въ глаза мнѣ и лѣзетъ... Куда ужъ я не люблю этихъ подлипалъ!

ВАРИЩКА.

А онъ очень васъ любитъ и уважаетъ, маменька.

СЛУКНИА.

Право? — И что мнѣ, матушка, въ его любви?... И на какую потребу уваженіе этого пищаго? Я и сама замѣчаю это; онъ что-то умилно на меня поглядываетъ; ужъ не хочеть ли денегъ въ займы попросить — чего добраго! Вѣдь эта голъ хитра на выдумки: на обухъ рожъ молотить.

ВАРИЩКА.

Вы напрасно, маменька, такъ дурно о немъ думаете: онъ, право, честный и хорошій человекъ.

СЛУКНИА.

Ась?... Что, мать моя?

ВАРИЩКА.

Я говорю, что онъ хорошій человекъ.

СЛУКНИА.

Право?... Да что ты за него такъ заступаешься?... Что это значить, сударыня?

ВАРИЩКА.

Такъ, маменька, ничего.

СЛУКНИА.

То-то ничего; у меня смотри!...

ХОЛМНИЦЪ.

Да о комъ вы, матушка, говорите?

СЛУКНИА.

Вотъ объ этомъ гусарскомъ офицеришкѣ... какъ бншь его... дай Богъ память... Да!... Тонской!

ХОЛМНИЦЪ.

Александръ Михайловичъ?... Ну что жъ!... Онъ точно отличный молодой человекъ.

(Во время этого разговора Варинька потихоньку отходить прочь и становится опять у окна.)

СЛУКНИА.

И, батюшка! Да что въ немъ отличнаго... Ну, конечно, собой онъ молодецъ изрядный; говорить, не пьетъ, въ карты не играетъ — да и то сказать — что ему сердечному проигрывать? — Вѣдь голъ, какъ соколъ; а какъ поглядишь иногда — Господи Боже мой! — Весь облитъ золотомъ; фунта три выжиги будетъ; а, чай, дома перекусить нечего. Вотъ то-то и есть: служилъ бы себя да служилъ въ шхотъ, такъ лѣтъ, — всякая стрешь-брешь въ гусары лѣзеть.

ХОЛМНИЦЪ.

Онъ не такъ бѣшенъ, какъ вы думаете; его дядя оставилъ ему небольшое, но прекрасно-устроенное имѣніе.

СЛУКНИА.

Право?... А сколько душъ, батюшка?

ХОЛМНИЦЪ.

Конечно, немного: душъ тридцать...

СЛУКНИА.

Тридцать душъ! И ты, Николай Ивановичъ, зовешь это имѣніемъ.

ХОЛМНИЦЪ.

Нельзя же всякому, какъ вамъ, Анна Степановна, имѣть тысячь пятьдесятъ въ голъ доходу. Разумѣется, въ сравненіи съ вами Тонскій бѣденъ, но за то какой добрый, въжливый молодой человекъ...

служка.

Да, Николай Ивановичъ! — Что правда, то правда: и въжливъ и услужливъ; прошлое воскресенье, кабы не онъ, такъ не знаю, что было бы со мною; на рукахъ вынесъ изъ губернаторской столовой.

хозяинъ.

А что такое съ вами было?

служка.

Вотъ что, батюшка, Николай Ивановичъ: я прошлое воскресенье была у губернатора въ благородномъ театрѣ. Какъ вошла я въ этотъ театръ, гляжу: на заднихъ скамеечкахъ просторно, но за то на передней, вотъ такъ человекъ на человекъ и сидятъ. Ну, нельзя же, мой отецъ, статской совѣтницѣ сидѣть сзади, и Богъ вѣсть подлѣ кого. Вотъ я, гдѣ бокомъ, гдѣ локотками, продралась, и села впереди. Тѣсно, батюшка, душно, — а дѣлать нечего — сижу! Вотъ, подѣ конецъ, голова стала у меня кружиться и начало въ глазахъ зелѣнѣть — а я все-таки сижу! Когда театръ кончился, я встала вмѣстѣ съ другими, а что-то плохо! — Вошла въ гостиную — мнѣ какъ будто бы лучше. Вотъ поднялись все, чинъ чинномъ, въ столовую къ ужину; я, пропусти мимо себя губернаторшу, хотѣла было, по моему чину, вслѣдъ за нею, какъ вдругъ, откуда ни возмись дворянская предводительница — шмыгъ изъ-подъ меня, да шастъ первалъ къ столу!... Коллежская ассессорша!... Ну, батюшка, хоть я и беззащитная вдова, хоть за меня, круглую сироту, вступиться нѣкому, а ужъ не стерпѣла бы я такого афрона, и если бѣ это не было у губернатора, подняла бы такую кутерму, что и Боже упаси! А тутъ дѣлать нечего — смолчала! Да ужъ каково-то было моей душенькѣ! Начало меня подергивать, подкатилось къ сердцу, схватило удущье, и если бѣ не подвернулся этотъ Тонскій — дай Богъ ему здоровья! — то я бы со всѣхъ ногъ грянулась о полъ.

хозяинъ.

Скажите, пожалуй-ста! Подлинно спасенно ему!... А знаете ли, Анна Степановна, что если бѣ Тонскій былъ побогаче, такъ этакого жениха поискать!

служка.

Да! — Если бѣ у него было тысячъ тридцать въ годъ доходу.

хозяинъ.

Погодите, будетъ и больше. Онъ отличный офицеръ, служить охотникъ и пойдетъ далеко.

служка.

Статься можетъ, батюшка, — да вѣдь это еще буки.

хозяинъ.

Я увѣренъ, что и теперь любая цѣвѣста, въ нашемъ городѣ, за него пойдетъ.

служка.

Любая, не любая, а, можетъ быть, и найдется охотницы. Вѣдь дураковъ и дуръ пездв много, Николай Ивановичъ; ихъ не орутъ, не съютъ, сами родятся.

хозяинъ.

Ну, нѣтъ! — По мнѣ, Тонскій хоть кому женихъ.

служка.

Что это, батюшка? Ужъ не мѣтишь ли ты на Вариньку?... Да сохрани ее Господи!... Да если бы самъ покойникъ всталъ изъ гроба!... Добро бѣ еще этотъ Тонскій былъ въ чинахъ, статскій совѣтникъ или нятаго класса, а то простой офицеришка, пищій... Чему же ты смѣешься, батюшка?

хозяинъ.

Да какъ не смѣяться? Эхъ, матушка Анна Степановна! Ну, какъ вы могли подумать, чтобъ я сталъ сватать не-шуги вашу надчерицу, мою крестную дочь, за какогонибудь гусарскаго поручика, съ тридцатью ревизскими душами, потому только, что онъ уменъ, молодецъ собою и добрый малый?

служка.

Ну то-то же, мой отецъ! — А то было и со всѣмъ перепугалась. — Да и я дура! Какъ будто не знаю, что ты всегда подшучиваешь... А мнѣ бы надобно съ тобой о серьезномъ дѣлѣ поговорить, батюшка, — да вотъ видишь ты какой: опять начнешь балагурить!... Варинька!... Что жъ ты, мой другъ, или позабыла, что намъ пора ѣхать? ступай одѣваться.

(Варинька уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

тѣ же, кромѣ Вариньки.

холмичъ.

Куда вы собираетесь?

служка.

Теперь съ визитами, а тамъ прямо по-
ѣдемъ на балъ къ княгинѣ Ландышевой.

холмичъ.

И я также приглашенъ. Говорятъ, она за-
звала весь городъ. Ну, тѣсно же будетъ въ
ея домикъ.

служка.

Да вѣдь она дастъ балъ въ домѣ своего род-
ственника, князя Владиміра Ивановича Вер-
хоглядова.

холмичъ.

Ну, это другое дѣло; у него домъ—пастоя-
щія палаты.

служка.

Теперь, Николай Ивановичъ, мы остались
одни; поговоримъ-ка о дѣлѣ.

холмичъ.

Поговоримте, матушка.

служка.

Ты человекъ умный, мой батюшка, посо-
ветуй!—Что ты, родной, скажешь, такъ тому
и быть.

холмичъ, улыбаясь.

То есть, когда мой совѣтъ будетъ согла-
сенъ съ вашей волею?

служка.

И, батюшка! Да развѣ у меня есть какая
нибудь воля? Что скажутъ добрые люди, то и
дѣлаю. Вотъ, изволишь видѣть: твоя крестная
дочка ужъ на возрастѣ.

холмичъ.

А что? Развѣ вы хотите выдать ее замужъ?

служка.

Пора, мой отецъ, вѣдь ужъ ей скоро сем-
нацать лѣтъ.

холмичъ.

Да это что еще за года, Анна Степановна.

служка.

Полю, полю, Николай Ивановичъ, я сама
по четырнадцатому году за перваго мужа вы-

шла замужъ, такъ что тутъ говорить; да и не
объ томъ рѣчь.

холмичъ.

А что, развѣ ктонибудь сватается?

служка.

Кто нибудь?... Нѣтъ, батюшка, женишки-
то давно ужъ около насъ увиваются, и въ-ста-
рину бы мнѣ отъ свахъ отбою не было; вотъ
теперь дѣло другое, за это ремесло взялись
наши сестры, дворянки; да полно, лучше ли?
Бывало, отъ свахи узнаешь всю подноготную,
отберешь все до копѣечки, и коли заметишь,
что она начала лисой лисить да переминаль-
ся, такъ ее, голубушку мою, въ три-шея со
двора долой.—Вѣдь дѣло-то было торговое, а
теперь—прошу покорно! Сама губернаторша
пріѣдетъ сватать, съ ней много говорить не
станешь; вѣрь на честное слово: «У такого-де,
сударыня, тысяча душъ, да столько-то дохо-
ду, да то, да сѣ!» А попробуй сказать: «Пельзл
ли, матушка, ваше превосходительство, до-
кументики сообщить?» такъ пойдутъ исто-
риі, претензіи, разстапешься домами; нашей
сестры, беззащитной вдовѣ, отъ этой губер-
наторши и всѣхъ ей прихвостницъ, житья не
будетъ.

холмичъ.

А что, развѣ губернаторша дѣлала вамъ
предложеніе?...

служка.

Вотъ то-то и есть, батюшка: она говорила
мнѣ о своемъ племянникѣ.

холмичъ.

Объ Иванѣ Федоровичѣ Вельскомъ?

служка.

Да, Николай Ивановичъ. Я ужъ давно за-
мѣтила, что этотъ отставной камеръ-юнкеръ
имѣетъ виды на мою Вариньку.— Конечно,
онъ человекъ порядочный, слишкомъ ты-
сяча душъ, прекрасный домъ, отличная
услуга, музыка—все это хорошо—да говорятъ,
что у него до пяти сотъ тысячъ рублей дол-
гу, такъ это почти все равно, что онъ ни-
чего не имѣетъ.

холмичъ.

Слѣдовательно, вы ему отказали.

СЛУЖИНА.

Ужъ тотчасъ и отказать! — Погоди, батюшка, пусть посватается порядкомъ. — Вотъ, какъ онъ сдѣлаетъ формальное предложеніе, и весь городъ будетъ знать, что онъ ищетъ въ Варницкѣ, такъ успѣю и тогда. Небольшая бѣда, если станутъ говорить: у нея много жениховъ было.

ХОЛМНИЦЪ.

Такъ какого же матушка вы просите у меня совѣта?

СЛУЖИНА.

А вотъ постой, мой отецъ: есть еще одинъ женихъ.

ХОЛМНИЦЪ.

А кто жъ другой?

СЛУЖИНА.

Алексій Андреевичъ Зорницъ.

ХОЛМНИЦЪ.

Предсѣдатель гражданской палаты?

СЛУЖИНА.

Да, батюшка!

ХОЛМНИЦЪ.

Пожилой вдовецъ.

СЛУЖИНА.

Да, батюшка!

ХОЛМНИЦЪ.

Съ большой семьей.

СЛУЖИНА.

Такъ что жъ?

ХОЛМНИЦЪ.

Да кстати ли ему свататься за Варницку? она ему въ меньшія дочери годится!

СЛУЖИНА.

Это ничего, Николай Ивановичъ! — И мой покойникъ былъ вдвое меня старѣе; а вотъ что худо: у Зорина наслѣдственнаго имѣнія нѣтъ, а все благопріобрѣтенное; куплено было на имя покойной жены, такъ онъ изъ него только и можетъ взять законную седьмую часть, то есть, много, много душъ сто. Конечно, онъ человекъ умный, нажилъ бы еще; да времена-то не тѣ, батюшка: ко всему придираются. Судья возьметъ по дружбѣ какой ни есть поларочекъ, а его назовутъ взяточникомъ; не бери ничѣмъ: ни деньгами, ни натурой. Да такъ скоро все служить нельзя будетъ.

ХОЛМНИЦЪ.

И, матушка Анна Степановна. Ну, что Господа Бога гнѣвить! — И теперь еще такъ-то себя деревенски и домики наживаютъ, что на-поди!

СЛУЖИНА.

Да! — Небось ты скопилъ имѣннице? Шестъ лѣтъ былъ дворянскимъ преиводителемъ, сколько разъ заздаялъ въ рекрутскомъ присутствіи, а что нажилъ?

ХОЛМНИЦЪ.

Да покаместъ честное имя, Анна Степановна.

СЛУЖИНА.

Честное имя! — Да вѣдь честное-то имя доходу не даетъ; его ни продать, ни въ опекунскаго совѣтъ заложить нельзя, такъ съ нимъ далеко не уѣдешь; а сверхъ того вы все честные люди гордецы, а гордымъ Богъ противится — ну, что ухмыляешься?

ХОЛМНИЦЪ.

Радуюсь, матушка Анна Степановна, что вы такъ хорошо знаете и такъ ловко толкуете Священное Писаніе.

СЛУЖИНА.

Да что объ этомъ говорить: всякой молодецъ на свой образецъ. Скажи-ка лучше, что мнѣ дѣлать? И сама вижу, что Зорницъ не женихъ Варницкѣ.

ХОЛМНИЦЪ.

Такъ откажите ему.

СЛУЖИНА.

А про мое тяжбное дѣло ты вѣрно забылъ, Николай Ивановичъ.

ХОЛМНИЦЪ.

Нѣтъ помню, — такъ что жъ?

СЛУЖИНА.

А то, что коли испортятъ его здѣсь въ палатѣ, такъ еще Богъ вѣсть, поправятъ ли въ Москвѣ. — Нѣтъ, мой отецъ! Успѣю ему отказать и тогда, какъ дѣло будетъ рѣшено въ мою пользу.

ХОЛМНИЦЪ.

Ну вотъ уже два жениха забраковано; нѣтъ ли еще третьяго?

СЛУЖИНА.

Есть, Николай Ивановичъ — есть женишокъ! Да и дѣло-то почти совсѣмъ слажено.

ХОЛМНИЦЪ.

Вотъ что?—Какъ же мнѣ Варинька ничего объ этомъ не намекнула?

СЛУЖИЦА.

Да она еще сама не знаетъ.

ХОЛМНИЦЪ.

Право? — Такъ вы заранѣе увѣрены, что тотъ женихъ ей понравится.

СЛУЖИЦА.

Какъ ему не понравится, батюшка? вѣдь у него — легко вымолвить — четыре тысячи душъ.

ХОЛМНИЦЪ.

Четыре тысячи? — Такъ это...

СЛУЖИЦА.

Князь Владиміръ Ивановичъ Верхоглядовъ. Что, батюшка, каковъ женишокъ?

ХОЛМНИЦЪ.

Да хорошо ли вы знаете этого человѣка?

СЛУЖИЦА.

Я знаю на-вѣрное, что у него четыре тысячи душъ, и ни копѣйки долгу.

ХОЛМНИЦЪ.

Конечно, послѣ этого и говорить нечего.— Вотъ если бы у него не было ста тысячъ въ годъ доходу...

СЛУЖИЦА.

Полтора ста, батюшка!

ХОЛМНИЦЪ.

Неужели? — Прошу покорно!—Такъ что жъ это говорить, будто онъ самый пустой человѣкъ; что у него нѣтъ никакихъ правилъ; что онъ на словахъ ужасный флантропъ, а на дѣлѣ трехъ-бунчушный паша; что онъ толкуетъ безпрестанно о потребности вѣка, высшихъ взглядахъ, правахъ человечества и разоряетъ своихъ крестьянъ; что у него давно ужъ умъ за разумъ зашелъ, и что рано или поздно, а ему не миновать опеки!

СЛУЖИЦА.

И чтѣ ты, мой отецъ! Да развѣ отдаютъ подъ опеку людей, у которыхъ полтора ста тысячъ въ годъ доходу и ни копѣйки долгу?

ХОЛМНИЦЪ.

Вотъ то-то и есть: говорить также, что будто-бы у него такой причудливой харак-

теръ, что съ нимъ ужиться нѣтъ ни какой возможности.

СЛУЖИЦА.

Вздоръ, батюшка, вздоръ! — То же самое говорили и про моего перваго мужа, да вѣдь жили-же кое какъ? — Ну, конечно, какъ безъ того — бывало пошумимъ, погрыземся, а все-таки онъ, дай Богъ ему царство небесное! — сдѣлаетъ, какъ сдѣлаетъ по моему. Правный мужъ не бѣда, мой отецъ. — Лишь только не подавайся да кричи громче его, такъ все пойдетъ своимъ чередомъ.

ХОЛМНИЦЪ.

Правда, Анна Степановна, правда! Это самый лучший способъ жить въ ладу съ мужемъ. Дурака запугаешь, умиому не даешь, такъ и тотъ и другой будутъ по поволѣ дѣлать все, что жена захочетъ. Да Варинька-то, кажется, у насъ не такого характера: она уступчива, добра, самаго кроткаго нрава.

СЛУЖИЦА.

Перемѣнится, мой отецъ, перемѣнится! Вѣдь нужда чему не научитъ?

ХОЛМНИЦЪ.

Конечно, Анна Степановна, конечно! Да и материнскіе ваши совѣты, быть можетъ, на нее подѣйствуютъ. И такъ это дѣло конченное: племяннику губернаторши Вельскому.

СЛУЖИЦА.

Я ничего рѣшительнаго не сказала; однако жъ, признаюсь, надеждой польстила.

ХОЛМНИЦЪ.

Предсѣдателю палаты Зорину.

СЛУЖИЦА.

Его по-поволѣ приглубливаю, батюшка! вотъ такъ, изрѣдка намекнѣ дѣлаю, обвинячки говорю.

ХОЛМНИЦЪ.

А князю Владиміру Ивановичу?..

СЛУЖИЦА.

И ему еще формальнаго слова не давала.

ХОЛМНИЦЪ.

То есть, вы обнадежили разомъ трехъ жениховъ?

слушала.

Эхъ, батюшка, батюшка! Да когда же мнѣ и поломаться-то, какъ не теперь. — Пока я не совсѣмъ еще порѣшилась, такъ мнѣ житье-то славное. Посмотри въ собраніи, на балахъ, кому такой почетъ? — Одинъ слугу отыщешь, другой салопа подастъ, третій съ лѣстницы сведетъ; не успѣваешь раскланиваться. — А какъ въ вистингъ-то съ ними засяду — батюшка — въ вистикъ! Житье да и только! Реносясь сделаю, никто не видитъ; безъ двухъ фигуръ сочту четыре опера — молчать. И даже этотъ сконидомъ Зоринъ не заикнется сказать, что я ошиблась. А ужъ о томъ не говорю, сколько другихъ, прочихъ, мелкихъ женишковъ въ глаза-то мнѣ забѣгаютъ. Ну, такъ и рвутся одинъ перелѣ другимъ, чтобъ мнѣ услужить.

холмины.

Ну, да! Теперь хорошо, а когда они узнаютъ, что вы ихъ дурачили.

слушала.

Такъ что жъ, батюшка? — Посердятся, посердятся, да будутъ таковы. Одинъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ могъ бы мнѣ хлопотъ надѣлать, да къ-счастью, дѣло мое слушаютъ на будущей недѣлѣ, — а ты знаешь, батюшка, резолюцію перемѣнить нельзя.

холмины.

Разсчесть вѣрный, Анна Степановна! Вы забыли только одно, — что отъ этого можетъ пострадать репутація вашей падчерицы. — Станутъ говорить, что она заводила жениховъ, кокетничала, обманывала съ вами заодно...

слушала.

Помилуй! — Да съ чего бы это взяли?

холмины.

Знаю, Анна Степановна, что въ этомъ и на волосъ не будетъ правды; но зачѣмъ давать поводъ къ злословію? вѣдь клевета, какъ уголь, не обожжетъ, такъ замазаетъ.

слушала.

И полно, мой отецъ! — Стану я бояться всѣхъ людскихъ рѣчей. Да мало ли, что и про меня говорили: и обобрали-то я покойнаго моего мужа, и пустила по міру роднаго брата, да и Богъ вѣсть что! — Всего не не-

решуашь. А вотъ и Варинька! (*Варинька входитъ.*) Побудь покаместъ съ твоимъ крестнымъ, а я пойду и сама приваряжусь; да если кто заѣдетъ, такъ извините меня! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ же, кромѣ служкиной.

Варинька, послѣ нѣкотораго молчанія.

Послушайте, крестной папенька; вы, кажется, говорили съ Анной Степановной.

холмины, улыбаясь.

О чемъ, мой другъ?

Варинька.

Ну!.. О немъ!..

холмины.

Говорилъ.

Варинька.

Что жъ она!

холмины.

Твоя мачиха! — Она рѣшилась выдать тебя замужъ.

Варинька, съ радостію.

Возможно ли?

холмины.

За князя Владиміра Ивановича Верхоглядова.

Варинька, съ ужасомъ.

Что вы говорите?

холмины.

Что жъ ты испугалась? — Не бойся, мой другъ, на Святой Руси насильно никого не вѣчаютъ. — Послушай, моя душа! Ты ужъ не ребенокъ и должна подумать о будущемъ. — Ты любишь Тонскаго, и онъ достоинъ этого счастья; но у князя полтора года ты слышь въ годъ доходу, а Тонскій почти ничего не имѣетъ; ты такъ же, мой другъ, безъ всякаго состоянія, или — что почти одно и то же: оно совершенно зависить отъ твоей мачихи. — Покойный твой отецъ былъ чловѣкъ истинно-добрый, но подлѣ-старость такъ ослабилъ и тѣломъ и душою, что не имѣлъ рѣшительно собственной своей воли.

Ты знаешь, Варинька: вѣтъ его имѣнемъ владѣть Анна Степановна, и хотя по духовной покойнаго ты имѣешь право требовать въ приданое за собою тысячу душъ, по только тогда, когда выйдешь замужъ съ ея согласія; въ противномъ случаѣ, одно только добровольное ея прощеніе можетъ возвратитъ тебѣ это право. — Теперь ты видишь, мой другъ, что у тебя ничего нѣтъ; Анна Степановна никогда не согласится выдать тебѣ замужъ за Тонскаго, и никогда не прѣститъ, если ты выйдешь за него противъ ея воли!

ВАРИНЬКА.

Ахъ, Боже мой! Да какая ей прибыль, если я выйду за этого князя?

ХОЛИНЪ.

Пребольшая, мой другъ. Засадитъ тебѣ вѣчно въ дѣвкахъ она не можетъ, это было бы слишкомъ явнымъ доказательствомъ ея жадности; ты сирота, правительство можетъ взять тебѣ подъ свою защиту, а сверхъ того, и самые бездушные люди боятса общаго мнѣнія. Я узналъ печально, но отъ вѣрнаго человека, что князь Владиміръ Ивановичъ беретъ тебѣ безъ приданого, и сдѣлалъ даже какую-то бумагу, которая обезпечиваетъ на этотъ счетъ твою мачиху. Теперь видишь ли, мой другъ?

ВАРИНЬКА, съ живостію.

Така что жъ? Неужели вы думаете, что Тонскій не откажется такъ же отъ моего приданого.

ХОЛИНЪ.

О, я не сомнѣваюсь въ этомъ.

ВАРИНЬКА.

И развѣ богатство можетъ сдѣлать наше счастье?

ХОЛИНЪ.

Не о богатствѣ рѣчь, мой другъ. Полтора-ста тысячъ въ годъ доходу не сдѣлаютъ тебѣ и на волосъ счастливѣе. — Но бѣдность! Ахъ, Варинька, Варинька! Мы живемъ не въ Аркадіи; кустъ розановъ, шалашъ и милый другъ — все это прекрасно — въ романѣ, который ты поешь, сидя за форте-піано; но въ шалашѣ и холодно и тѣсно; розы цвѣтутъ только весной; милый другъ не вѣчно будетъ ворковать подлѣ тебѣ; онъ захочетъ

вѣтъ, ты также, а тамъ семья, дѣти!.. Нѣтъ, мой ангель, если счастье наше не всегда бываетъ слѣдствіемъ хорошаго состоянія, то по крайней мѣрѣ оно помогаетъ намъ сносить терпѣливѣе всѣ житейскія горести и напасти, которыя при бѣдности становятся еще несноснѣе. Подумай хорошенько: если ты выйдешь за князя, то всѣ желанія твои, всѣ прихоти будутъ исполняться; ты молода, мой другъ, тебѣ вѣрно еще пѣляють, и щегольской экипажъ, и модныя платья, и тысяча другихъ блестящихъ бездлушекъ, которыя стоятъ такъ дорого и не служатъ ни къ чему; пока еще года и горькій опытъ не отучатъ тебѣ забавляться этими игрушками взрослыхъ людей, ты станешь тосковать о нихъ. Сколько разъ ты будешь плакать отъ зависти и досады, сравнивая свой простенькій московскій буръ-де-суа съ какимъ нибудь колокольцовскимъ платкомъ или турецкою шалью, прежней твоей подруги! Встрѣчая на каждомъ шагу знакомыхъ, которые станутъ давить тебѣ своими богатствами и роскошью, ты по-неволь сдѣлаешься подозрительною; дружба богатыхъ людей будетъ тебѣ казаться обиднымъ покровительствомъ, а каждое ласковое слово милостынею, которую даютъ тебѣ изъ состраданія. Что, если тогда встревоженное твое самолюбіе и эта тяжкая необходимость отказывать себѣ почти во всемъ, расхолодятъ прежнюю любовь твою? Что, если ты начнешь горевать о томъ, что не вышла за богатаго князя, и бѣдный мужъ твой отгадываетъ наконецъ причину этой горести?

ВАРИНЬКА, съ жаромъ.

Мужъ мой! — Тотъ, кого выбрало мое сердце!.. И вы можете такъ дурно думать о вашей крестной дочери!.. щегольской экипажъ!.. турецкая шаль!.. Боже мой!.. Да, я стала бы плакать о турецкой шали, если бы могла въ ней показаться милѣе моему мужу... Но желать се для себя, горевать о томъ, что я не принадлежу этому князю, котораго ненавижу — да, да! ненавижу.

ХОЛИНЪ, улыбаясь.

Да за что же, мой другъ?

ВАРИШКА.

За то, что онъ хочетъ быть моимъ мужемъ. И вы могли мнѣ совѣтовать!..

ХОЛМНИЦЪ.

Да полно, не гнѣвайся! — Послушай, мой другъ! — Прежде чѣмъ ты еще рѣшилась отказать отъ супружества, которое свѣтъ сталъ бы называть блестящимъ, я долженъ былъ описать тебѣ все невыгоды замужства съ человекомъ небогатымъ; я исполнилъ мою обязанность, и если бѣдность тебя не пугаетъ, то вотъ рука моя: ты будешь женою Тонскаго. Я не богатъ, Варинька; но все, что имѣю, будетъ принадлежать вамъ. Не благодари меня, мой другъ!.. У меня пять дѣтей, — а живя съ вами, я забуду объ этомъ. — Да и зачѣмъ отчаиваться? Почему знать? быть можетъ, ты выйдешь за Тонскаго и не потеряешь своего состоянія.

ВАРИШКА.

Но вы сами говорили, что Анна Степановна никогда не согласится.

ХОЛМНИЦЪ.

Безъ всякаго сомнѣнія, не согласится; но дѣло не въ томъ, чтобъ она была твоей посаженой матерью — а лишь только бы послѣ свадьбы-то васъ простила... У меня кой-что бродитъ въ головѣ... Что, если бы?... Почему же пѣть?... А какъ-бы это было забавно!.. Только смотри, Варинька! — Слушайтесь меня во всемъ.

ВАРИШКА.

О, въ этомъ можетъ быть увѣрены.

ХОЛМНИЦЪ.

Постой! Кажется, кто-то прѣхалъ. (*Смотритъ въ окно.*) Вельскій! — Вотъ кстати. Поди, мой другъ, къ себѣ въ комнату. (*Варинька уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

ХОЛМНИЦЪ И ВЕЛЬСКІЙ.

ХОЛМНИЦЪ, идя на встрѣчу Вельскому.

Анна Степановна дома, но проситъ васъ извинить ее: она сейчасъ ѣдетъ съ визитами.

ВЕЛЬСКІЙ.

Здравствуйте, Николай Ивановичъ! Очень радъ, что васъ вижу.

ХОЛМНИЦЪ.

Да присядьте хоть на минутку, Иванъ Федоровичъ. Позвольте мнѣ похозяйничать. (*Садится.*)

ВЕЛЬСКІЙ.

Покорнѣйше васъ благодарю! — И признаюсь, мнѣ надо отдохнуть: я такъ усталъ! У тетушки обѣдалъ Зориль, и я имѣлъ дурачество съ нимъ сыграть въ карты. Ахъ, какой злодѣй! — Полчаса думаетъ, полчаса держится за карту, двадцать разъ ее мыслить — измучилъ!

ХОЛМНИЦЪ.

А что вы съиграли?

ВЕЛЬСКІЙ.

Пронгралъ.

ХОЛМНИЦЪ.

Немного?

ВЕЛЬСКІЙ.

Бездѣлицу! — Рублей полтора ста или двѣсти — не помню.

ХОЛМНИЦЪ.

Вы, кажется, всегда проигрываете?

ВЕЛЬСКІЙ.

Почти.

ХОЛМНИЦЪ.

Такъ зачѣмъ вы играете?

ВЕЛЬСКІЙ.

А что жъ прикажете мнѣ дѣлать? — У насъ въ провинціи, если васъ не посадятъ за карты, такъ смѣю спросить, какъ вы проведете вашъ день? — Говорить? — О чемъ? — Съ кѣмъ? — Съ Хапровой, что ея горничная дѣвушка свела любовную связь съ вице-губернаторскимъ лакеемъ; съ Елецкимъ, что у него взбѣсился борзой кобель и перекусалъ всю стаю; съ губернскимъ докторомъ Оомою Оомичемъ фонъ-Дахомъ, что онъ дѣлаетъ изъ своего табаку отличный кнастеръ; съ Вельдизевой, что у нея смазли третью мадамъ... Конечно, все это имѣетъ свою забавную сторону — въ первые три дня; но круглый годъ и всякій день одно и тоже!.. Пѣть, Николай Ивановичъ! — Холостому человеку невозможно жить въ провинціи; а если ему придется, по своимъ обстоятель-

ствемъ, заживо схоронить себя, въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ... то онъ долженъ непременно...

ХОЛМИНЬ.

Жениться? — Не правда ли?

ВЕЛЬСКІЙ.

Разумѣется. Расчетъ самый вѣрный: съ хорошей женой ему будетъ весело и дома, съ дурной онъ станетъ безпрестанно ссориться, следовательно, во всякомъ случаѣ не умретъ отъ этой проклятой скуки, которая душитъ меня съ утра до вечера.

ХОЛМИНЬ.

Такъ что жъ, Ивашъ Федоровичъ; лекарство у васъ, кажется, подъ руками.

ВЕЛЬСКІЙ, значительно улыбаясь.

Вы думаете?

ХОЛМИНЬ.

Да мало-ли у насъ невѣсть? Вотъ, напримеръ, Катерина Федоровна Радугина: восемнадцать лѣтъ, собой не дурна, воспитана...

ВЕЛЬСКІЙ,

Прекрасно! — Двухъ словъ не умѣетъ сказать съ-ряду, и одѣвается, какъ прачка. Помилуйте! Да ее стыдно будетъ въ люди показывать.

ХОЛМИНЬ.

Я думаю, вы не скажете этого о Катинкѣ Ладной.

ВЕЛЬСКІЙ.

Да! Она довольно мила, но за то... послушайте! я не хлопочу о богатствѣ... однако жъ...

ХОЛМИНЬ.

Понимаю! — Такъ вамъ бы жениться на дочери нашего вилнаго заводчика Расторгуева. Копечко, Степанида Алексѣевна не красавица...

ВЕЛЬСКІЙ.

Что вы? Что вы? — Да развѣ мой домъ купсть-камера?... Расторгуева! — Побойтесь Бога! Да ее можно водить по ярмаркамъ, да за деньги показывать.

ХОЛМИНЬ.

Ну вотъ-то-то и есть! — На васъ не угодишь.

ВЕЛЬСКІЙ.

Да вы Богъ знаете кого называете.

ХОЛМИНЬ.

Какъ, Богъ знаетъ? — Я называю вамъ первыхъ здѣшнихъ невѣсть.

ВЕЛЬСКІЙ.

А для чего же вы ни слова не говорите о вашей крестницѣ?

ХОЛМИНЬ.

О Варинкѣ?

ВЕЛЬСКІЙ.

Да, о Варварѣ Николаевнѣ.

ХОЛМИНЬ.

Для того, что одна дѣвушка не можетъ быть невѣстою двухъ жениховъ.

ВЕЛЬСКІЙ.

Двухъ жениховъ? — Что вы хотите сказать?

ХОЛМИНЬ.

Не погнѣвайтесь — это еще покажѣтъ семейная тайна; по настоящему, мнѣ бы не должно было и намекать объ этомъ.

ВЕЛЬСКІЙ.

Ахъ, сдѣлайте милость!...

ХОЛМИНЬ.

Послушайте, Ивашъ Федоровичъ. Я могу вамъ сказать только одно, и то подъ большимъ секретомъ: не сватайтесь за мою крестницу, — она почти помолвлена.

ВЕЛЬСКІЙ.

За кого?

ХОЛМИНЬ.

Извините! Этого я не могу вамъ сказать.

ВЕЛЬСКІЙ.

Вы меня удивляете! Третьяго дня тетусьна говорила обо мнѣ съ Анной Степановной, и она не только не отказала, но даже подала большую надежду.

ХОЛМИНЬ.

Что вы говорите?

ВЕЛЬСКІЙ.

Увѣрю васъ.

ХОЛМИНЬ.

Ну, это пехорошо! Очень пехорошо!.. Эхъ, Анна Степановна! Вѣчно падѣляетъ глупостей. Ну, прилично ли заводить, дурачить?

вельскій, приподымался невольностью кресла.

Дурачить?.. Меня?.. Да нѣтъ, это невозможно. (*Садится опять.*)

холмицъ.

Со мною хитрить ей нечего; такъ воля ваша — мнѣ кажется, она дурачить васъ.

вельскій, вскочивъ.

Меня? О! ceci est trop fort! Я не люблю, чтобъ меня дурачили женщины и помоложе Анны Степановны. Впрочемъ я, во всякомъ случаѣ, благодаренъ, что вы мнѣ это сказали.

холмицъ.

Постойте, постойте! Что вы хотите дѣлать?

вельскій.

Не безпокойтесь — я васъ не компрометирую. Но сегодня же эта статская совѣтница скажетъ мнѣ рѣшительно: принимаетъ ли мое предложеніе, или нѣтъ. И если для того, чтобъ продолжать грабить свою падчерицу, она станетъ отдѣлываться отъ рѣшительнаго отъѣзда, то дядя мой, какъ начальникъ губерніи, и безъ сомнѣнія, нашъ предводитель дворянства, вступятся въ положеніе этой несчастной сироты, тѣмъ болѣе, что я имѣю право думать, что мои исканія не противны Варварѣ Николаевнѣ...

холмицъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

вельскій.

Да, да! Я имѣю этому доказательства. Недѣли три тому назадъ, мой дядя давалъ балъ; я пріѣхалъ поздно, потому что долженъ былъ завернуть къ Александру Михайловичу Топскому, вотъ къ этому гусарскому офицеру — вы, кажется, его знаете?

холмицъ.

Да, немного.

вельскій.

Онъ также приглашенъ былъ на балъ и прошилъ меня захватить за нимъ въ моей каретѣ. Тетушка рассказала мнѣ послѣ все. До моего пріѣзда на балъ, ваша крестница была печальна, задумчива, разсѣянна, безпрестанно смотрѣла на двери и какъ будто бы дожидалась кого нибудь; но лишь только я показавъ на балъ, то она въ ту же самую минуту

стала весела, разговорчива, словомъ, совершенно переродилась. Смыю спросить, что это значить?

холмицъ.

О, это явное предпочтеніе.

вельскій.

Когда я сталъ въ первый разъ говорить ей о любви моей, такъ она поблѣднѣла и до того смѣшалась, что не могла отвѣчать ни слова. Конечно, не всякій постигнетъ настоящую причину этого испуга; но тотъ, кто имѣетъ нѣкоторый опытъ, кто успѣлъ уже разгадать женское сердце, тотъ безъ труда пойметъ, что значить такая необычайная робость.

холмицъ.

Ну, Иванъ Федоровичъ, исполать вамъ! — Да я вижу, вы настоящий профессоръ въ этомъ дѣлѣ.

вельскій, улыбаясь съ гордостью.

Опытъ, Николай Ивановичъ, опытъ! Женщины имѣли всегда такое сильное вліяніе на судьбу мою, въ жизни моей было столько необычайныхъ случаевъ... да вы вѣрно знаете Французскую пословицу: a force de forger...

холмицъ.

Какъ не знать!

вельскій.

Прощайте покаместъ! я надѣюсь сегодня увидѣть васъ и Анну Степановну у княгини Ландышевой?

холмицъ.

Да, мы тамъ будемъ.

вельскій.

И такъ до свиданія.

холмицъ.

Только сдѣлайте милость, если у васъ дойдетъ до какого нибудь изъясненія, прошу васъ, чтобъ я былъ совершенно въ сторонѣ.

вельскій.

Не безпокойтесь, я комеражей не люблю.

(Идетъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Зоринымъ.)

=

ЯВЛЕНИЕ V.

ть жь и зоринъ.

зоринъ, кланяясь Вельскому.

Честь имѣю... *(Вельскій откланивается и уходитъ.)*

хозяинъ.

Здравствуйте, Алексѣй Андреевичъ.

зоринъ.

А почтешѣйшій!... Какими судьбами? Я думалъ, что васъ нѣтъ и въ городъ?

хозяинъ.

Да, я недавно пріѣхалъ изъ деревни. Прошу покорно! *(Садится.)*

зоринъ.

Гдѣ жь Анна Степановна...

хозяинъ.

Она ѣдетъ съ визитами, и не можетъ теперь васъ принять.

зоринъ.

А я было зашелъ потолковать о се дѣлцѣ.

хозяинъ.

Ну что? Какъ поживаете?

зоринъ.

Плохо, батюшка Николай Ивановичъ, плохо! Когда хозяйки нѣтъ въ домѣ, такъ какое житье?

хозяинъ.

Хозяйки нѣтъ—такъ жь! Вы, Алексѣй Андреевичъ, не въ такихъ еще годахъ, чтобы вамъ оставаться вдвоемъ, Я думаю, вамъ и пятидесяти нѣтъ.

зоринъ.

Да — съ небольшимъ.

хозяинъ.

Такъ зачѣмъ же дѣло стало, неужели за невѣстою?

зоринъ, улыбался.

Невѣста, быть можетъ, найдется.

хозяинъ.

Вотъ что?—Поздравляю! А кто, если смѣю спросить?

зоринъ.

Полно-те, почтешѣйшій! Полно-те подшучивать! Чай, вы давнымъ-давно знаете.

хозяинъ.

Право, нѣтъ.

зоринъ.

Да перестаньте! Какъ вамъ не знать — вы у нихъ человекъ свой.

хозяинъ.

У кого, Алексѣй Андреевичъ?

зоринъ.

Да хоть у Анны Степановны...

хозяинъ.

Слукиной... Такъ вы на ней хотите жениться!

зоринъ.

И, нѣтъ, батюшка!—Что ей за охота идти за-мужъ... Вотъ дѣло другое, дѣвица безродная, безъ отца, безъ матери...

хозяинъ.

Какъ?.. Такъ дѣло-то идетъ о моей крестной дочери?

зоринъ.

Что жь вы этому такъ удивились, Николай Ивановичъ? — Конечно, мы съ ней не ровни...

хозяинъ.

И что вы? — Не о лѣтахъ рѣчь; по мнѣ, чѣмъ старше мужъ, тѣмъ лучше. Да печего ждать путнаго, если бы такой ребенокъ, какъ Варинька, вышла за какого нибудь мальчишку?

зоринъ.

Конечно, конечно!

хозяинъ.

Когда дѣвушка, по сиротству, выходитъ прежде двадцати лѣтъ за-мужъ, такъ ей надобенъ мужъ, не вѣтрогонъ, не мальчикъ какой нибудь, а человекъ зрѣлыхъ лѣтъ, опытный и благоразумный.

зоринъ.

Совершенная правда.

хозяинъ.

Хороши мужъ и жена, которые оба еще въ кувлы играютъ! — Вѣдь страсть пустое дѣло, Алексѣй Андреевичъ; и къ молодому и къ старому мужу приглядимся; любовь пройдетъ, а дружба и уваженіе остаются.

зоринъ.

Правда, — истина правда!

ХОЛМИНЪ.

Нѣтъ, батюшка! Я знаю, какой мужъ ей надобенъ: человекъ умный (*Зоринъ кланлется*), солидный (*Зоринъ кланлется*), который не станетъ учиться у другихъ, а самъ поучить, какъ домъ вести (*Зоринъ кланлется*), который ея придаваго не промотаетъ, да и своего имѣнія не проживетъ.

ЗОРИНЪ.

Да! —

ХОЛМИНЪ.

Который можетъ быть, въ одно и то же время, ея супругомъ и наставникомъ; по милости котораго жена будетъ занимать не послѣднее мѣсто въ губерніи; однимъ словомъ, такой мужъ, какъ вы, Алексѣй Андреевичъ!

ЗОРИНЪ.

Помилуйте!... Мнѣ, право, и совѣстно!... И такъ вы не прочь отъ этого?

ХОЛМИНЪ.

Кто, я?—Да если бѣ это отъ меня зависѣло, такъ я и думать бы не сталъ — Но вы знаете, что ея маичиха.

ЗОРИНЪ, (улыбаясь.)

Съ ней-то мы какъ нибудь поладимъ. —

ХОЛМИНЪ.

Право?—А что, развѣ ужъ объ этомъ рѣчь была?

ЗОРИНЪ.

Какъ же; сначала мы говорили все обшьяками, да намеки другъ другу дѣлали; третьяго дня пришлось какъ-то къ слову, такъ я просто, напрямки сказалъ.

ХОЛМИНЪ.

Ну, что же она?

ЗОРИНЪ.

Почти слово дала, просила только пообождать и до времени не говорить никому.

ХОЛМИНЪ.

Вотъ что!... Ай да Анна Степановна! — Ну!!!

ЗОРИНЪ.

А что такое?

ХОЛМИНЪ.

Такъ, ничего!... Что мнѣ въ эти вздоры мѣшаться. Когда онѣ отъ меня секретничаютъ, да не хотятъ со мною посоветоваться, такъ мое дѣло сторуна.

ЗОРИНЪ.

Да что жъ вы такое знаете?

ХОЛМИНЪ,

Что я знаю?... (*Помолчавъ нѣсколько времени поглядывалъ.*) Послушайте, Алексѣй Андреевичъ! Мнѣ васъ учить нечего, а на вашемъ мѣстѣ, я зналъ бы, какъ поступить. Всѣ эти секреты да отстрочки ни къ чему не ведутъ. Я настоятельно бы сталъ требовать помолвки — да не по домашнему, а публично, торжественно, чтобъ весь городъ зналъ, что вы женитесь на Варинькѣ. И мальчишкѣ лѣтъ въ двадцать остаться съ носомъ во все не забавно, а какъ нашему брату, пожилому человеку, забреютъ затылокъ — такъ признаюсь!

ЗОРИНЪ.

Забреютъ затылокъ? Такъ вы полагаете, что Анна Степановна изволицъ падо мною потѣшаться?

ХОЛМИНЪ.

Я не говорю этого; и какъ подумаю, такъ на что бы, кажется, ей васъ обманывать?... Э!... Пойдите-ка! Вѣдь у нея есть тлѣбное дѣло, и если оно должно скоро рѣшиться...

ЗОРИНЪ.

Ну, нѣтъ еще! Очередь не за нимъ... А позвольте васъ спросить: развѣ у нея есть еще какіе нибудь женишки на примѣтъ?

ХОЛМИНЪ.

Женихи?... Да въ нашемъ городѣ, кажется, жениховъ довольнос. Вотъ хотъ Иванъ Федоровичъ Вельскій...

ЗОРИНЪ.

Э, э, э! Губернаторскій племянникъ?

ХОЛМИНЪ.

Да этого также обракуютъ. (*Понизивъ голосъ.*) А развѣ князь Владиміръ Ивановичъ...

ЗОРИНЪ.

О, о!... Вотъ что! — Такъ и онъ также сватался за Варвару Николаевну.

ХОЛМИНЪ, улыбаясь.

Не знаю.

ЗОРИНЪ.

Ну, если такъ, то позвольте же, Николай Ивановичъ! И подлинно, это дѣло падо привести въ ясность.

ХОЛИВНЪ.

Однако жъ, смотрите, не выдайте меня.

ЗОРИНЪ.

Не беспокойтесь!

ХОЛИВНЪ.

Ну то-то же! Пожалуста, чтобъ это осталось между нами.

ЗОРИНЪ.

Да ужъ будьте увѣрены: тутъ и умерло.

ХОЛИВНЪ.

Правду сказать, мнѣ бы вовсе не слѣдъ мѣшаться въ эти сплетни; да и что мнѣ пришло въ голову?... Вотъ то-то и есть: языкъ мой — врагъ мой!...

ЗОРИНЪ, вставая.

Не бойтесь, Николай Ивановичъ! — Мы люди присяжные, молчать умѣемъ. — Да съдѣлайте милость, заверните когда нибудь! — Я до двѣнадцати часовъ всегда дома.

ХОЛИВНЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

ЗОРИНЪ.

Прошу покорно! — Часикъ, другой побесѣдуемъ. — Закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ, а тамъ отвѣдаемъ донскаго, выпьемъ рюмочку мадеры...

ХОЛИВНЪ.

Я очень скоро буду имѣть это удовольствіе.

ЗОРИНЪ.

И такъ до свиданья!... Честь имѣю кланяться!

ХОЛИВНЪ.

Прощайте, Алексѣй Андреевичъ!... Да смотрите же!...

ЗОРИНЪ.

Ужъ я вамъ сказалъ — не беспокойтесь!... (Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНИЕ VI.

ХОЛИВНЪ, одинъ.

Ну!... И этотъ готовъ!... Теперь надобно приняться за князя Владиміра Ивановича.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ довольно-богатую гостиную комнату; съ правой и съ лѣвой стороны по одной двери; въ глубинѣ театра три двери. Несколько раскинутыхъ обмерныхъ столовъ съ приготовленными картами и съѣдамъ; на аван-сценѣ польтеровскія кресла, подив которыхъ круглый столъ; на столѣ лежать книги.

ЯВЛЕНИЕ I.

Князь перхоголядовъ и мальчикъ, лѣтъ тринадцати. Князь сидитъ въ польтеровскихъ креслахъ, мальчикъ стоитъ противъ его на колыняхъ. Князь держитъ въ одной рукѣ исписанный листъ бумаги, а въ другой хлысть. — Холивнъ входитъ съ правой стороны, и, не замѣченный княземъ, останавливается на порогѣ.

КНЯЗЬ.

Глупое созданье! — Алеутъ, Камчадалъ безмозглый! Ничего не понимаетъ! Да я вволю въ тебѣ просвѣщеніе! — Мало ли я толковалъ тебѣ о достоинствѣ человека, животное! — Ну, что такое человекъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Человекъ есть твореніе самобытное....

КНЯЗЬ.

Слѣдовательно, никто не имѣетъ права посягать на его личность... ну!

МАЛЬЧИКЪ.

На его личность... и великой подобный ему...

КНЯЗЬ.

Обязанъ обходиться съ нимъ... ну!

МАЛЬЧИКЪ.

Обходиться съ нимъ...

КНЯЗЬ, бьетъ его хлыстикомъ.

Кротко и сердобольно!

МАЛЬЧИКЪ.

Ай, ай, ай! . . . Сердобольно! . . . Больно, больно!

ХОЛМНИНЪ, входитъ.

Что это вы, князь Владиміръ Ивановичъ, какую науку преподаете?

КНЯЗЬ, вставал.

Ахъ, это вы, Николай Ивановичъ?

ХОЛМНИНЪ.

Извините, я вошелъ къ вамъ безъ доклада; въ лакейской никого нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Вѣрповсѣвъзаль (*Мальчику.*) Пошелъ, дуракъ въ лакейскую. (*Мальчикъ уходитъ.*) Сегодня моя кузина, княгиня Ладышева, даетъ здѣсь балъ.

ХОЛМНИНЪ.

Я это знаю.

КНЯЗЬ.

Теперь еще рано, такъ я отъ нечего дѣлать занялся этимъ мальчикомъ — сынъ моего прикащика; хочу сдѣлать изъ него человека. Да прошу покорно садиться. Моя кузина еще не прѣехала, такъ, покаместъ, я здѣсь хозяиномъ. . . вы вѣрно приглашены на балъ.

ХОЛМНИНЪ.

Княгиня сдѣлала мнѣ эту честь.

КНЯЗЬ.

Ну что? — Не слыхали ли чегонибудь поваго? Правда ли, что въ Петербургѣ начинаютъ входить въ большое употребленіе Артезіанскіе колодцы?

ХОЛМНИНЪ.

Нѣтъ, не слыхалъ. — Да и для чего бы это?

КНЯЗЬ.

Какой вопросъ! — Помилуйте, Николай Ивановичъ! Да будемъ ли мы когда нибудь Европейцами?

ХОЛМНИНЪ, улыбаясь.

А развѣ Европеецъ долженъ непрерывно пить воду изъ Артезіанскаго колодца?

КНЯЗЬ.

О святая Русь! . . . Да не ужели вы не постигаете, что отвергать все улучшенія, держаться во всемъ старины, стоять на одномъ мѣстѣ, когда вся Европа идетъ впередъ — есть самый вѣрный признакъ варварства!

ХОЛМНИНЪ.

Нѣтъ, князь, я постигаю, что хорошее перенимать вовсе не стыдно; да только вотъ беда: не все хорошее равно хорошо для всѣхъ перенимать, не думая о томъ, полезна ли будетъ эта новость собственно для насъ; передразнивать иностранцевъ, только для того, чтобъ сказать: «я иду за вѣкомъ, я Европеецъ!» — воля ваша, а это, по мнѣ, просто пускать пыль въ глаза и увлекаться одними фразами и громкими словами, которые конечно имѣютъ свою цѣну послѣ сытнаго обѣда и рюмки шампанскаго, но на тощій желудокъ никуда не годятся.

КНЯЗЬ.

Да почему же вы полагаете, что, хоть на-примѣръ, введеніе Артезіанскихъ колодцевъ..

ХОЛМНИНЪ.

Чрезвычайно будетъ полезно въ степныхъ и безводныхъ мѣстахъ: въ этомъ конечно съ вами никто спорить не станетъ; но въ Петербургѣ, гдѣ подлѣчасъ отъ воды не знаютъ куда дѣваться, — смѣю васъ спросить — какую пользу? . . .

КНЯЗЬ.

Пользу, пользу! . . . Вы только и думаете о пользѣ! Да знаете ли, сударь, что эти-то меркантильные расчеты и убиваютъ все на свѣтѣ. — Прошу говорить о просвѣщеніи и высшихъ взглядахъ съ людьми, которые считаютъ копѣйки! . . . Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ! Вы человекъ умный, съ познаніями, много читали; но не-смотря на это, признайтесь — вы очень, очень отстали отъ нашего вѣка.

ХОЛМНИНЪ, усмѣхаясь.

Статься можетъ, князь: я человекъ пожилой, бѣгать не мастеръ, да и боюсь: какъ-разъ спотыкнешься.

КНЯЗЬ.

Мы этого не боимся.

ХОЛМНИНЪ.

И полноте, князь, будто бы вы никогда и ни въ чемъ не ошибались? — Не смотря на премудрость и глубину нашего вѣка, мы точно такъ же, какъ прежде, рабы своихъ страстей, следовательно ошибаемся, дѣлаемъ глупости и всегда возстаемъ противъ здраваго смысла, если онъ противорѣчитъ нашему образу

мыслей. Въ-старину, закоренѣлыя певѣнды называли благоразумнаго челоуѣка вольнодумцемъ, а выше его же и, можетъ быть, тѣ же самые люди назовутъ старовѣромъ, отсталымъ и варваромъ. Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, люди всегда остаются людьми. Да, одна любовь сколько глупостей заставляетъ насъ дѣлать, не только въ молодости, но и въ годахъ зрѣлаго разсудка; и если, князь, вы когда нибудь любили...

князь.

Я?... Если я любилъ?... И вы это спрашиваете у меня!

хозяинъ.

Ого!—Да вы, кажется, и теперь еще любите?...

князь.

Съ безуміемъ, съ неистовствомъ!...

хозяинъ.

Ай, ай ай!..

князь.

Какъ Ромео любилъ свою Джуліету, какъ Дюмасовъ Антоній свою... свою...

хозяинъ.

Невѣсту?

князь.

Нѣтъ, жену другаго.

хозяинъ.

Ахъ, батюшка! Да неужели и вы также?...

князь, почти съ горемъ.

Ахъ, нѣтъ! — Она свободна.

хозяинъ.

Слава Богу!.. Да кто же эта красавица, которая, какъ видно, къ крайнему вашему прискорбию, можетъ законнымъ образомъ принадлежать вамъ.

князь.

Кто она?... Это фантастическое созданіе пламеннаго юга!—Это полуживотная пери!—Это снѣфиды!... О! какъ она прекрасна! Какое блаженство лѣтеть изъ подъ ея сладостно-опущенныхъ рѣсницъ... она... да неужели вы не отгадали, о комъ я говорю?

хозяинъ.

Нѣтъ, князь, это митическое описаніе все меня съ толку сбило.

князь.

Виновать! Я позабылъ, что вашъ идеалъ красоты не можетъ быть сходенъ съ моимъ—вы челоуѣкъ русскій! По-вашему, была бы

только бѣла, да дородна, да румянецъ во всю щеку — а такъ какъ ваша крестная дочь бѣдна и худощава...

хозяинъ.

А! такъ вы говорите о Варинькѣ.

князь.

Да о комъ же, Николай Ивановичъ? Кого могъ бы я назвать снѣфидою.

хозяинъ.

Вотъ что? Вѣроятно, и вы, князь, ей также нравитесь?

князь.

О, мы давно уже понимаемъ другъ друга. Съ мѣсяцъ тому назадъ, я прѣхалъ поутру къ Аннѣ Степановнѣ: въ гостиной никого не было; по на столѣ лежало рукодѣлье и бѣлый платокъ; онъ былъ смоченъ, вымытъ слезами; этотъ платокъ былъ ея! Я невольно прижалъ его къ груди, и чувство сладостное и горькое, чувство вовсе до того мнѣ незнакомое — какъ дикій звѣрь впилось въ мое сердце. О, сколько поэзи было въ этомъ брошеномъ платкѣ: этотъ платокъ былъ цѣлая поэма! Она вошла въ гостиную, наши взоры встрѣтились, и все было кончено...

хозяинъ.

Такъ вы даже и не говорили съ пей объ этомъ?

князь.

Нѣтъ, одинъ взглядъ сказалъ мнѣ все; я прочелъ въ немъ — и настоящій адъ ея положенія, и будущій рай моего блаженства. Мнѣ нужно было только переговорить съ ея мачихою, — тутъ земной языкъ былъ необходимъ; мы съ пей поладили, а можетъ быть, недѣли черезъ двѣ вы поздравите меня женихомъ вашей крестной дочери.

хозяинъ.

Отъ всего сердца. Но зачѣмъ же черезъ двѣ недѣли? Зачѣмъ не прежде?

князь.

Нѣтъ, ужъ объ этомъ меня не спрашивайте. — Анна Степановна никакъ не хотѣла согласиться на мои просьбы, и даже требовала, чтобъ я отъ всѣхъ скрывалъ это, какъ государственную тайну.

хозяинъ.

Право?... Послушайте, князь, дѣлайте все, что хотите, но, по моему, чѣмъ скорѣе бу-

деть вашъ сговоръ съ Варинькою, тѣмъ лучше.

князь.

Вы думаете?

холмицъ.

Имѣю полное право такъ думать. Отвѣчайте откровенно, какъ вы полагаете: выдавал за васъ свою падчерицу, что имѣетъ въ виду Анна Степановна: ея счастье или собственную свою выгоду? — Да не церемоньтесь, говорите прямо!

князь.

Ну, если вы хотите, такъ я думаю, что дѣло идетъ вовсе не о счастьи вашей крестной дочери.

холмицъ.

Вотъ видите? — Вы теперь поладили съ Анной Степановной, а если кто другой поладитъ съ ней еще болѣе?... Вы меня понимаете?

князь.

Понимаю; но развѣ вы имѣете причины подозревать, что кто нибудь другой...

холмицъ.

Я не скажу вамъ ничего; только не советую соглашаться ни на какую отерочку. Эй, князь, куйте желѣзо, пока оно горячо! — Вы не знаете Анны Степановны: она готова объявить торги и съ аукціона продать свою падчерицу.

князь.

Что вы говорите?

холмицъ.

То, что внушаетъ въ меня искреннее желаніе выдать мою крестную дочь за человека, который ея достоинъ, и за которымъ она вѣрно будетъ счастлива.

князь.

Мнѣ чрезвычайно пріятно слышать, Николай Ивановичъ... Я вамъ очень благодаренъ.

холмицъ.

Не беспокойтесь, князь; вамъ, право, не за что меня благодарить.

холмицъ.

Настоятельно требовать, чтобъ все было рѣшено, какъ можно скорѣе, да оно впрочемъ и натурально: вы сами говорите, что любите безъ ума Вариньку, а любовь всегда непер-

пѣлива; это знаютъ все; это пойметъ даже и Анна Степановна. Вѣдь всякій изъ насъ любилъ хоть разъ въ своей жизни.

князь.

Любилъ! И полноте! Да знаютъ ли у насъ, что такое любовь?... Можемъ ли мы, воспитанные на русскомъ квасѣ, понимать это чувство, исполненное жизни и энергии? — Взгляните на изображеніе этой неукротимой страсти, во всехъ произведеніяхъ юной европейской словесности, и если дыханіе не сопрется въ груди вашей, если волосы ваши не станутъ дыбомъ, если вы не достигнете всю прелесть этихъ судорожныхъ восторговъ, этихъ пенстовыхъ порывовъ страсти, этой адской пытки и райскаго наслажденія, то сдѣлайте милость, Николай Ивановичъ, кушайте на здоровье ваши соленые огурцы, живите двѣ трети года по уши въ спѣгу, заведите, если хотите, хозяйкою, только, Бога ради, не говорите ничего о любви.

холмицъ, улыбаясь.

Слушаю, ваше сіятельство. Впрочемъ, если за мои грѣхи Господь Богъ пошлетъ на меня горячку съ пятнами, такъ, можетъ быть, тогда и я...

князь, почти съ презрѣніемъ.

Не будемте говорить объ этомъ. Постойте! — Кажется, подѣхала карета... вѣрно княгиня! — Вотъ женщина, съ которой еще можно провести безъ скуки нѣсколько часовъ; не правда ли, что она вовсе не походитъ на нашу русскую барыню.

холмицъ, усмѣхаясь.

А мнѣ такъ кажется, что очень походить.

князь.

Я слышу ся голосъ... извините! Мнѣ надо надѣть фракъ... Да не угодно ли и вамъ ко мнѣ въ кабинетъ: вы ей помогнете хозяйничать.

холмицъ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

(Уходятъ пальцо; — всѣ три среднія двери отворяются; за ними видна ярко освѣщенная комната.)

=

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМІЯ

ВѢДОМЪ, РАБОТАЮЩАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

ИМЕНА А. А. ГЛУШАЧАРСКОГО

Кн. VII. — 2.

ЯВЛЕНІЕ II.

Княгиня Ладышева, Гореглядова и слуги.

Княгиня, выходя изъ среднихъ дверей и обращаясь къ слугамъ.

Теперь ступайте скорѣй и зажигайте въ залѣ люстру; сюда поставить два канделябра!... Да по ломбернымъ столамъ зажгите всѣ свѣчи!... Кажется, мы не опоздали. Да гдѣ же князь.

Гореглядова.

Вѣрно одѣвается; вѣдь онъ долженъ сюда явиться, какъ гость.

Княгиня.

Сядемъ, та сѣге!—Мы еще успѣемъ устать обѣ.

Гореглядова, садясь въ вольтеровскія кресла.

Ахъ, какъ покойно...

Княгиня.

Да, мой кузень любитъ, чтобъ у него было все комфортабельно.

Гореглядова, беретъ со стола книгу.

Что это за книга?... «Сцены изъ приватной жизни, сочиненіе Бальзака».

Княгиня.

Я что-то обѣ ихъ слышала отъ князя.

Гореглядова.

Онъ хвалитъ ихъ?

Княгиня.

Да! — Ну, ужъ вѣрно онъ не такъ интересны, какъ романы милаго Дарленкура... Помнишь «Пустышникъ»?... Ахъ!... Fuis, fleur de la vallée! — О, Дарленкуръ!

Гореглядова.

Мнѣ помнится, я читала въ какомъ-то русскомъ журналѣ, что этотъ Бальзакъ...

Княгиня.

И, та сѣге!... Что такое Бальзакъ, Бальзакъ!... Да вѣдь это старый писатель, я еще ребенкомъ слыхала о немъ отъ нашего Французскаго учителя... Вотъ Дарленкуръ... ахъ, какъ онъ милъ!... Fuis, fleur!...

Слуга.

Ольга Дмитріевна Зарѣцкая.

Княгиня.

Ольга Дмитріевна, паша пріѣзжая изъ Москвы.

(Идетъ къ ней на встрѣчу.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Зарѣцкая.

Княгиня.

Ахъ, Ольга Дмитріевна, какъ я рада, что вы опять съ нами. *(Цалуются.)* Прошу покорно садиться. *(Всѣ садятся.)*

Зарѣцкая.

Ну что, здоровы ли вы, княгиня?

Княгиня.

Слава Богу!... Ахъ, та сѣге! Какіе у васъ чудные рукава!... Какъ это мило!...

Зарѣцкая.

Да, это самая послѣдняя мода. Мадамъ Лебуръ поклонилась мнѣ, что этимъ фасономъ первое платье сдѣлано для меня.

Гореглядова.

Ахъ, какъ хорошо!

Княгиня.

Премесь!...

Гореглядова.

А косынка? Посмотри, та сѣге!

Зарѣцкая.

Ихъ только что привезли изъ Парижа — это...

Княгиня.

Comme c'est bizarre!

Гореглядова.

Ну, что скажете? Вы очень веселились въ Москвѣ?

Зарѣцкая.

О не говорите мнѣ, я умираю съ тоски.

Княгиня.

Неужели?

Зарѣцкая.

Ахъ, княгиня, что за общество, что за толпа! — Я вообразить себѣ не могла, чтобъ въ городѣ, который называется столицей, было такъ мало образованности; одни варварскія названія улицъ выведутъ всякаго изъ

терпѣнія! — Напримѣръ: я остаповилась у
мой родственницы, въ собственномъ ея
домѣ... Какъ вы думаете, гдѣ?.. на Плю-
щихъ!!!

княгиня.

На Плющихъ?.. Dieu, comme c'est vul-
gaire! —

зарицкая.

А какъ живутъ, ма сѣге! — Вотъ однажды
пригласили меня на балъ въ одинъ-домъ,
помнится, за Москвой рѣкой на Зацѣлѣ.

горегалдова.

Боже мой, какія тривиальныя названія!

княгиня.

Согласитесь, что это можетъ быть только у
пастъ.

зарицкая.

И только въ Москвѣ. Вотъ мы ѣхали, ѣха-
ли какими то огородами... Крымскимъ бро-
домъ... Ужасъ!... И что жъ, вы думаете, на-
шли мы на этомъ балѣ?... Хозяйкѣ, которая
заговорила съ вами по-русски, голыя стѣ-
ны и сальныя свѣчи въ завачканныхъ хру-
стальныхъ люстрахъ.

княгиня.

Цѣтъ, шутите?

зарицкая.

Увѣрю васъ!.. Теперь вы можете судить,
какъ живутъ въ Москвѣ. Въ Благородномъ
Собраніи я была только однажды на масли-
ницѣ. Зала не дурна; но чтѣ за лица! — Ни
одного знакомаго. — Молодые люди ходятъ
взадъ и впередъ, никто не обращаетъ на
васъ никакого вниманія, и если вы не хоти-
те сидѣть на скамейкѣ, то ужъ конечно не
догадуются подать вамъ стулъ; я это испы-
тала на себѣ.

княгиня.

А театръ, ма сѣге?

зарицкая.

Французскій хорошъ — по русскій!.. Что
за актеры! Какія названія у этихъ акте-
ровъ!.. Щепкицъ, Рѣпина! — Ну, повѣрите ли,
тошпо слышать! — А какъ играютъ! — Меня
уговорили однажды посмотреть какую-то
оперу, кажется «Волшебнаго Стрѣлка». — Ну,
ма сѣге! — Признаюсь, мнѣ стало стыдно,
что я русская!.. Но это еще ничего; подѣ

меня въ ложѣ какой-то господинъ началъ
говорить съ своими дамами, самымъ без-
стыднымъ образомъ хвалить все, и даже
увѣрить, что онъ видѣлъ эту оперу въ Вѣнѣ,
и что она дается тамъ не лучше, чѣмъ въ
Москвѣ — какъ вы думаете! — Эти дамы, кото-
рыя впрочемъ были одѣты недурно и, каза-
лось, принадлежали къ хорошему обществу,
слушали его, какъ оракула. — Такое невеже-
ство вывело меня совершенно изъ терпѣнія, и
чтобъ показать этому господину, какъ мнѣ
гадко было слушать его наглую ложь, я
вскочила, накинула шаль, и тотчасъ уѣхала
изъ театра.

княгиня.

Признаюсь, и я бѣ на вѣсемъ мѣстѣ не
усидѣла бы спокойно.

горегалдова.

Вы меня удивляете, Ольга Дмитриевна! —
Такое варварство, и гдѣ жъ? въ столицѣ!

княгиня.

И, ма сѣге! Чему тутъ удивляться? Да
развѣ прошлаго года не были у насъ прїѣзжіе
изъ Москвы? — Помните этого князя Бря-
скаго, и еще какого то ученаго?.. Ну, вотъ
этихъ, надъ которыми мы такъ смѣялись, ко-
гда они объявили прѣважно, что путеше-
ствуютъ — по Россіи!! Они не хотѣли сблизиться
съ нашимъ кругомъ, а съ кѣмъ были знако-
мы? — Съ Волгиными, съ Дубровинымъ, съ
съ Закаменскимъ, съ этимъ недантомъ Хо-
милинымъ — помните, что они говорили: «Вотъ
почтенные люди! — Вотъ настоящіе русскіе
дворяне! Вотъ истинно-просвѣщенные помѣ-
щики!» — Просвѣщенные!.. А первый Дубро-
винъ говоритъ по-французски такъ, что безъ
смѣха нельзя слышать.

зарицкая.

Ну, ма сѣге, — я въ Москвѣ видѣла двухъ
англичанъ воижеровъ, которые еще больше
Дубровина коверкаютъ несчастный француз-
скій языкъ.

княгиня.

И, ma bonne amie! — Да за то они прекра-
сно говорятъ по-англійски.

горегалдова, Зарицкой.

Я вижу, ма сѣге, намъ нечего переши-
мать у Москвы.

ЗАРЬЦКАЯ.

Намъ перенимать?.. Помилуйте! — Не мы у Москвы, Москва должна перенимать у насъ.

КНЯГИНЯ.

Да, да! — Не мѣшало бы ей здѣсь поучиться хорошему тону, и спросить у насъ, чтѣ значить образоваанный вкусъ.

ЗАРЬЦКАЯ, которая взяла мѣжду тѣмъ со стола книгу.

Ахъ, Боже мой!.. Бальзакъ!

КНЯГИНЯ.

Вы читали его?

ЗАРЬЦКАЯ.

Бальзакъ? Какой вопросъ?.. Вся Москва отъ него безъ ума.

ГОРЕГЛЯДОВА.

Неужели?

КНЯГИНЯ.

Однако жъ вѣрно Дарленкуръ...

ЗАРЬЦКАЯ.

Фи, ма сѣге! — Чтѣ вы говорите? — Дарленкуръ!.. Да его ужъ никто не читаетъ; все надъ нимъ смѣются.. Но Бальзакъ... Ахъ, Бальзакъ! — Въ Москвѣ нѣтъ ни одной порядочной женщины, которал не знала бы его наизусть.

КНЯГИНЯ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ЗАРЬЦКАЯ.

Да, ма сѣге. На масляницѣ я была въ Благородномъ Собраніи: кто то сказалъ, что Бальзакъ въ Москвѣ, потомъ стали говорить, что онъ въ Собраніи — Боже мой! — Какъ всѣ дамы засуетились, какая пошла тревога, шумъ, распросы, и одного молодого человека, который съ виду походилъ на Француза, совсемъ было задушили; къ-счастію, онъ заговорилъ по-русски: это его спасло.

ГОРЕГЛЯДОВА, КНЯГИНЯ.

Ахъ, ма сѣге, пожалуй-ста возьмите у князя эти книги.

КНЯГИНЯ.

Да, да, ма bonne amie! — Мы прочтемъ ихъ вмѣстѣ. Но вотъ, кажется, Радугины!.. Такъ точно! —

=

ЯВЛЕНІЕ ПІ.

тѣ же и гости, которые входятъ одни за другими. Мужчины раскланиваются, а дамы целуются съ княгиней.

КНЯГИНЯ, ВСТРЕЧАЯ.

А, Софья Егоровна!.. Федосья Степановна!.. Максимъ Ивановичъ!.. Кирило Семеновичъ!.. (Гореглядовой.) Похлопочи, ма сѣге, раздай карточки. (Гореглядова составляетъ партіи и расаживаетъ за ломберные столы гостей.)

=

ЯВЛЕНІЕ ІV.

ПРЕЖНИЕ, СЛУЖКА И ВАРНИЦКА.

КНЯГИНЯ.

Анна Степановна! —

СЛУЖКА.

Здоровы ли, матушка, ваше сіятельство?

КНЯГИНЯ.

Какъ видите, слава Богу! Mesdames, прошу покорно въ залу!

СЛУЖКА.

Я, матушка княгиня, здѣсь останусь! — Да не беспокойтесь, я составлю себѣ партію; вотъ ужъ одинъ игрокъ на лицо. (Въ задней комнатѣ показывается Вельскій.)

КНЯГИНЯ, ВАРНИЦКА.

Пойдемте, Варвара Николаевна.

(Всѣ уходятъ, на сценѣ остается только одна Служка и тѣ гости, которые сидятъ за картами; чрезъ минуту раздается вдали музыка, она должна быть едва слышна. Въ задней комнатѣ отъ времени до времени проходятъ слуги и прохаживаются гости; музыка также по временамъ перестаетъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ВЕЛЬСКІЙ.

СЛУЖКА.

Здравствуйте, Иванъ Федоровичъ! (Вельскій съжливомъ, но очень-сухо кланяется.) Ну, чтѣ наши игроки, подѣхали?

ВЕЛЬСКІЙ.
Я видѣлъ въ залѣ Алексѣя Андреевича Зо-
риша.

А князь?

Его, кажется, нѣтъ.

Охота жь ему терять золотое времечко.—
Да не съестъ ли намъ, батюшка, въ-троемъ?
Я буду играть парти-фиксъ съ болвапомъ.

Позвольте мнѣ прежде сказать съ вами нѣ-
сколько словъ... Сядемте! *(Садятся.)*

А время-то идетъ, какъ идетъ!

Усибете поигратъся, сударыня.—Слышали
ли вы, что говорятъ въ городъ?

А что такое, Иванъ Федоровичъ?

Вы вѣрно забыли, зачѣмъ прїѣзжала къ
вамъ третьяго дня моя тетка; вы почти да-
ли ей слово, а не смотря на это, говорятъ,
будто бы вы имѣете какіе-то другіе виды
на Варвару Николаевну. Я не хочу этому
вѣрить; но согласитесь, что эти слухи очень
непріятны; и такъ извините, Анна Степанов-
на, если я попрошу васъ не откладывать
моего благополучія, и объявить рѣшительно,
что вы принимаете мое предложеніе.

Что вы, что вы, Иванъ Федоровичъ! По-
думайте, мѣсто ли здѣсь...

Да я и не прошу васъ сдѣлать помол-
вку здѣсь на балѣ; а если позволите,
прїѣду къ вамъ послѣ завтра съ моею тет-
кою.

Послѣ завтра, то есть: въ пятницу?.. По-
милюйте, что за экстра такая, и къ чему
такъ спѣшить?

Да хотя бы для того, сударыня, чтобъ
уничтожить эти вздорные слухи, столь же
обидные для васъ, сколько и для меня. Впро-

чемъ я не хочу васъ женить; извольте, я
прїѣду къ вамъ не въ пятницу, а въ суббо-
ту; но тогда уже попрошу у васъ позволе-
нія извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ о
моей помолвкѣ. Послѣ того, что вы изволили
говорить моей теткѣ, я не смѣю сомнѣвать-
ся...

Помилуйте! Да что жь я такое говорила?
и сказала ей превосходительству, что для
меня весьма прїятно, что я очень буду
рада...

Слѣдовательно вы согласны?—И позволите
вамъ сказать, Анна Степановна, что послѣ
этого, всякое съ вашей стороны затрудненіе
будетъ явнымъ доказательствомъ, что вы
хотѣли насъ дурачить, смѣяться надъ мной,
надъ моей теткою, надъ всѣмъ нашимъ се-
мействомъ... Но, виновать! — Я вижу, что
ужь одно это обидное предположеніе васъ
огорчаетъ—и такъ въ субботу!.. *(Встала.)*
Теперь я въ вашихъ приказаніяхъ, и если
вы желаете играть въ вистъ...

Покорнѣйше васъ благодарю.

Какъ вамъ угодно. *(Кланяется и ухо-
дитъ.)*

Въ субботу!.. Нѣтъ, батюшка! Хотя вы и
родня нашему губернатору, а не прогнѣвай-
тесь: своя рубашка къ тѣлу ближе.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Здравствуйте, матушка Анна Степановна,
радъ сердечно, что могу съ вами словечка
два переомовить. Позвольте. *(Садится под-
ль нея.)*

Вы давно ужь здѣсь?

Съ четверть часа.—Да гдѣ же Варвара Ни-
колаевна?

слушала.

Здѣсь, батюшка Алексѣй Андреевичъ; танцуетъ,—да вотъ никакъ она ходитъ съ Рас-торгуевой... Варинька!.. Варвара Николаевна! Поди сюда, мой другъ!.. (*Варинька под-ходитъ.*) Ну, вотъ ты все спрашивала: «Да будетъ ли сюда Алексѣй Андреевичъ? — Да прivedеть ли онъ?» Вотъ онъ на лицо! Ну что, успокоилась?

(Варинька смотритъ съ удивленіемъ на Слушину.)

зоринъ, встаетъ и съ вежливой уклонкой.

Какъ вы извоили испотѣть, Варвара Николаевна!.. Словно розацъ раскрасилась! (*Варинька присѣдаетъ.*) Вѣрно очень устать извоили?

варинька.

Нѣтъ-съ!

зоринъ.

Вы, какъ вижу, отменно любите танцы?

варинька.

Да-съ! (*Входитъ Вельскій.*)

вельскій, Варинькѣ.

Угодно вамъ французскую кадрили?

варинька.

Извольте-съ! (*Уходитъ вмѣстѣ съ Вельскимъ.*)

зоринъ, помолчавъ нѣсколько времени.

Сегодня, матушка Анна Степановна, я цѣлое утро занимался вами.

слушала.

Мною, Алексѣй Ивановичъ?

зоринъ.

То есть вашей тяжбою.

слушала.

Покоривъше васъ благодарю!

зоринъ.

Ахъ, Анна Степановна, надѣли вы мнѣ петлю на шею.

слушала.

Какъ такъ, батюшка?

зоринъ.

Да вѣдь дѣлю то ваше больно плоховато.

слушала.

Что ты, отецъ мой! — Дѣлю чистое, свитое!

зоринъ.

Нѣтъ, матушка Анна Степановна! Попроламя съ грѣшкомъ. — Конечно, можно бы повернуть его иначе, да что бѣ оглядокъ не было. — Вѣдь рѣшеніе узднаго суда не законъ, а голословныя доказательства вашего права, не документы, матушка Анна Степановна!

слушала.

Ну, Алексѣй Андреевичъ! — Не ожидала я, чтобъ ты...

зоринъ.

Помилуйте! — Да что жъ мнѣ дѣлать? — Я вамъ докладывалъ, что дѣлю то плоховато. Ужъ мы сегодня съ секретаремъ около него попотѣли, матушка... плохо-больно плохо! — Думали и такъ, думали и эдакъ... что ты будешь дѣлать! — Приступу нѣтъ. —

слушала.

Полво, батюшка! — Захочешь помирновить, такъ патянешь какъ пшбудъ, ну хоть съ грѣхомъ пополамя — такъ что жъ?

зоринъ.

Конечно — единъ Богъ безъ грѣха, что и говорить: какъ подчасъ не покривить душою для роднаго челоуѣка.

слушала.

Вотъ то-то и есть, батюшка!

зоринъ.

Да вѣдь мы еще съ вами не родил, Анна Степановна.

слушала.

Я тебѣ что говорила, мой отецъ? Возьми терпѣніе недѣльки на три.

зоринъ.

Терпѣніе? — Что терпѣніе!... А впрочемъ, пожалуй, извольте! — Только и вы, матушка, потерпите!

слушала.

Какъ потерпѣть? — А не ты ли мнѣ сказаль, что на будущей недѣль.

зоринъ.

Мало ли что говорится, сударыня? Да вѣдь я же это вамъ не передъ зеркаломъ объявиль, и мои слова въ протоколъ не записаны.

слушала.

Ну, батюшка Алексѣй Андреевичъ!... Покоривъше благодарю.

зорнѣ.

Да что, Анна Степановна, изъ пустого въ порожнее переливать! неуждно ли вамъ этакъ, дѣнька чрезъ три помолвку сдѣлать, такъ я за ваше дѣло примусь порядкомъ; а тамъ, какъ свадьбку сыиграемъ, такъ на другой лѣш и резолюцію подмахну.

служива.

Что ты, что ты? — Черезъ три дни помолвка? Да это вѣдь не что другое: около пальца не обведешь... Черезъ три дня!... Да въ умѣ ли ты, батюшка?

зорнѣ.

Какъ угодно, Анна Степановна: вашъ разумъ, ваша и воля.

служива.

И гдѣ видапо? Пристать, какъ съ пожемъ къ горлу!

зорнѣ.

И, матушка! Да коли вы сами проволочекъ не жалуете, такъ за что же и мнѣ ихъ любить? — Но извините! Я взялъ карточку, и чай, меня дожидаются! — Подумайте хорошенько! — Дѣнька чрезъ два я самъ у васъ побываю. Честь имѣю кланяться! (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНИЕ VII.

служива и вскорѣ князь верхоглядовъ.

служива.

Прошу покорно!... Да что это на нихъ пашло!... Ну, худо-дѣло!... (*Князь входитъ, становится противъ Служивой и устремляетъ на нее неподвижный взглядъ.*) Ахъ, князь Владиміръ Ивановичъ! — Это вы?

князь, мрачнымъ и торжественнымъ образомъ.

Да, сударыня! — Это я.

служива.

Ахъ, батюшка, ваше сіятельство! — Да что съ вами сдѣлалось?

князь.

Ничего! — Бездѣлица! — Самый обыкновенный случай; я вздумалъ понтировать, и счастье всей моей жизни поставить на одну карту.

служива.

Эхъ, князь, напрасно! — Что вамъ далъ этотъ банкъ? — Играли бы себѣ да играли въ вистикъ.

князь.

Да! — Все блаженство, все радости, все, что привязываетъ насъ къ жизни, поставлено на одной картѣ, и вы думаете, что я позволю банкомсту передернуть?... Вы меня понимаете?

служива.

Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

князь.

Скажите мнѣ, Анна Степановна: знаете ли вы, что такое любовь?

служива.

Какъ не знать, Владиміръ Ивановичъ; я очень любила покойнаго мужа.

князь.

Любили!... То есть: поплакали, когда онъ умеръ, износили черное фланелевое платье и построили деревянный голубецъ надъ его могилкою?

служива.

Да, князь, я все это выполнила, какъ слѣдуетъ.

князь.

Какъ слѣдуетъ! — почему жъ какъ слѣдуетъ?... Нѣтъ, Анна Степановна, я говорю вамъ не объ этой любви.

служива.

О какой же, батюшка?

князь.

О той, которая заплететъ мою душу, о той, которая не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ приличій, никакихъ условій свѣта, которая... Но я вижу, что мнѣ должно говорить съ вами яснѣе... Эта любовь, сударыня, походитъ на булатный книжаль Черкеса; онъ гладокъ, свѣтелъ и красивъ, но имъ играть опасно... Вы меня понимаете?

служива.

Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

князь.

Послушайте! Я люблю Варвару Николаевну, и если кто нибудь осмѣлился заблвлять этой страстію, шутить счастьемъ всей моей жизни... Если бъ вы, Анна Степановна...

СЛУКНИНА.

Ахъ, батюшка, ваше сіятельство — что вы, что вы?

КНЯЗЬ.

Я васъ спрашиваю: для чего она до сихъ поръ не принадлежитъ мнѣ?—Для чего все эти отсрочки?... Кажется, между нами все кончено; мы сторговались.

СЛУКНИНА.

Опомнитесь, князь? — Что вы говорите?

КНЯЗЬ.

Не прогибайтесь, Анна Степановна: я ненавижу эту приторную въживость, которая хочетъ все на свѣтъ усыпать розами; я люблю называть вещи собственными ихъ именами, и повторяю еще разъ: мы сторговались и теперь вы не имѣете никакого права продавать эту несчастную сироту съ публичнаго торгова, какъ продаютъ пегольщицъ на базарахъ Востока — она моя!

СЛУКНИНА.

Тише, князь, Бога ради, тише! — Что вы это?...

КНЯЗЬ.

Скажите одно слово, и я замолчу.

СЛУКНИНА.

Да помилуйте, съ чего вы это взяли, что я отступлюсь отъ моего слова; но вѣдь надобно подумать и о Варинькѣ: какъ больно повернемъ, да дѣвка то-заупрямится...

КНЯЗЬ.

О, объ этомъ не беспокойтесь!

СЛУКНИНА.

А Богъ вѣсть! Вѣдь она еще молода, глупа, не вдругъ пойметъ, что жениха, у котораго четыре тыщи душъ, не встрѣтишь на каждомъ перекресткѣ.

КНЯЗЬ.

Фи!... Что это такое! — Да кто вамъ говорить о душахъ, Анна Степановна? — Я вижу: мы вѣчно не поймемъ другъ друга. Послушайте: быть можетъ, вы имѣете причины откладывать нашу свадьбу; но я ихъ не имѣю, и говорю вамъ рѣшительно: или завтра же вы меня примите, какъ жениха Варвары Николаевны, или весь городъ узнастъ, какъ вы торгуете вашей падчерицей.

СЛУКНИНА.

Завтра! — Какъ завтра!

КНЯЗЬ.

Да, да, сударыня!—Я даю вамъ одинъ сутки (*Смотритъ на свои часы.*) Завтра ровно въ одиннадцать часовъ.—Вечеромъ, Варвара Николаевна иззоветъ меня женихомъ своимъ, а вы — какъ вамъ угодно — вы можете не называть меня вашимъ сыномъ. Я объ этомъ не хлопочу. (*Кланяется и уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНИЕ VIII.

СЛУКНИНА, и вскорѣ ХОЛМИЦЪ.

СЛУКНИНА.

Да что жъ это такое?... Что они, прости Господи! бѣлены что ли объѣлись?... Какъ они вздумаютъ столкнуться, да все трое разомъ ко мнѣ пристапуть!... Ахъ, Господи!...

ХОЛМИЦЪ, подходя къ СЛУКНИНОЙ!

Что это вы не за варгами, Анна Степановна.

СЛУКНИНА.

До карты ли мнѣ, батюшка! Поди-ка сюда, садись.

(Холмицъ садится подле нея.)

ХОЛМИЦЪ.

Что съ вами сдѣлалось?

СЛУКНИНА.

Ахъ, бѣда, кормилецъ! — Сушая бѣда! —

ХОЛМИЦЪ.

Да что такое?

СЛУКНИНА.

Что, батюшка, худо!—Все женихи мои избѣсились.

ХОЛМИЦЪ.

Какъ такъ?

СЛУКНИНА.

Да такъ, словно заговоръ какой.—Пристали ко мнѣ; да еще, слава Богу, что поодионокъ: рѣши, да рѣши! — Я и такъ и сякъ — куда-те! — и слышать не хотятъ! — Повѣришь ли, никто больше трехъ дней сроку не даетъ!—Этотъ франтъ — шематонъ, губернаторской племянничекъ, такъ закидалъ меня словами,

что я чуть было сама не повѣрила, что выдаю за него Вариньку. А крапивное то ѣмля, выжига проклятая — Зоринь, какъ будто бы ему чортъ на ухо шепнулъ, формально объявилъ, что дѣло мое до тѣхъ поръ не будетъ рѣшено, пока я сама не порѣшусь. — И даже этотъ шальной князь Владиміръ Ивановичъ, ну вотъ такъ и напираетъ; да какія рѣчи говорить!... Господи Боже мой! — Уши влунуть, батюшка.

ХОЛМИНЬ.

Ну!! Не предсказывала ли и вамъ?

СЛУКНИА.

Эхъ, Николай Ивановичъ, брани меша, ругай, да только выручи.

ХОЛМИНЬ.

Выручи! — Это легко сказать, Анна Степановна. Какъ ни вертись, какъ ни хитри, а надобно сказать, за кого Варинька идетъ за-мужъ.

СЛУКНИА.

Да лишь только я объявлю, то Зоринь и Вельскій...

ХОЛМИНЬ.

Что и говорить, житья вамъ не будетъ — а особливо Вельскій... и его семейство...

СЛУКНИА.

Охъ, бѣда! — Живую събѣдятъ.

ХОЛМИНЬ.

Вотъ то-то и есть. Впрочемъ, что жъ въ самомъ дѣлѣ, не за того, такъ за другаго, а надобно выйти замужъ: посердятся, посердятся — да перестаютъ; а вотъ чего вамъ никогда не простятъ: что вы ихъ обманывали, водили за носъ, за-знамо дурачили.

СЛУКНИА.

Такъ, батюшка, такъ!

ХОЛМИНЬ.

Ну, пусть Варинька выйдетъ замужъ за князя Владиміра Ивановича — это еще ничего: лишь только бы васъ-то какъ нибудъ выгородить.

СЛУКНИА.

Въ томъ-то и дѣло, мой отецъ; постарайся, придумай что нибудъ!

ХОЛМИНЬ.

Постойте-ка!... А что?... Въ самомъ дѣлѣ!... Вѣдь вы тогда только будете въ отвѣ-

тъ, когда отдадите Вариньку за-мужъ?... Ну! А если она убѣжить и обвиняется безъ вашего вѣдома?

СЛУКНИА.

Какъ убѣжить?

ХОЛМИНЬ.

Ну да! Если ее увезутъ?

СЛУКНИА.

Увезутъ? Кто увезетъ?

ХОЛМИНЬ.

Разумѣется, князь Владиміръ Ивановичъ.

СЛУКНИА.

А!... Понимаю!... Только, воля твоя, что ему за радость увозить Вариньку, когда онъ и безъ этого можетъ на ней жениться?

СЛУКНИА.

Что за радость? Да онъ съ тоски умираетъ, что долженъ жениться такимъ обыкновеннымъ и пошлымъ образомъ. Да знаете ли, что онъ ужъ предлагалъ Варинькѣ бѣжать.

ХОЛМИНЬ.

Неужели?... Что жъ она?...

ХОЛМИНЬ.

Ну, разумѣется, не согласилась. Хотя она очень его любитъ...

СЛУКНИА.

Въ самомъ дѣлѣ?

ХОЛМИНЬ.

Она мнѣ сама въ этомъ призналась.

СЛУКНИА.

Такъ чего же она думаетъ?

ХОЛМИНЬ.

Вы знаете, какъ она къ вамъ привязана; да и легко ли скромной и невинной дѣвушкѣ — рѣшиться на такой поступокъ. Вотъ, если я ей посоветую...

СЛУКНИА.

Посоветуй, батюшка!

ХОЛМИНЬ.

Ужъ такъ и быть! — Я это дѣло слажу, и сегодня же...

СЛУКНИА.

Сегодня?...

ХОЛМИНЬ.

Да. Чемъ скорѣе, тѣмъ лучше. Черезъ полчаса ступайте домой, скажите, что у васъ го-

лова болить, лягте почивать и строго прикажите, чтобъ васъ ни подь какимъ предлогомъ не смѣли будить. Часу въ первомъ почин, когда всѣ будутъ спать, Варинька выйдеть потихоньку въ садъ; у балитки будетъ дожидатся коляска... да ужь не безпокойтесь, все будетъ сдѣлано.

служкина.

Дай Богъ тебѣ здоровье. То-то истинный родной!

холмницъ.

Вы, Анна Степановна, не извольте вставать ранѣе обыкновеннаго, а какъ встанете да хватитесь Вариньки, такъ и подымите штурму-ревите, плачьте... *(Раскрывая свою табакерку.)* Да чтѣ вамъ толковать — ученаго учить, лишь только портить... Не прикажете ли?

служкина, нюхая табакъ изъ табакерки Холмница.

И, батюшка, гдѣ память! — Вѣдь я человекъ глупый: чтѣ на умѣ, то и на языкѣ... да лѣзть нечего! Попробую, прикинусь какъ пи-буль.

холмницъ.

Теперь я пойду и переговорю съ Варинькой — а тамъ все улажу съ княземъ. Прощайте покамѣть! *(Уходитъ)*

=

ЯВЛЕНИЕ IX.

служкина, и вскорѣ тонскій.

служкина,

Охъ, батюшки, кабы удалось?... Дай-то Господи! Рублевою свѣчу поставлю.

(Тонскій подходит и кланяется Служкиной.)

Здравствуйте, господинъ Тонскій!

тонскій.

Какъ ваше здоровье, Анна Степановна?

служкина, очень сухо и отрыгнуто.

Слава Богу, батюшка, слава Богу.

тонскій.

Позвольте мнѣ рекомендовать себя вашимъ собесѣдомъ: я теперь живу наиротивъ.

служкина.

Знаю, батюшка, знаю. Домнишка маленькой, какъ избенка... да и на чтѣ вамъ больше-вѣдь не балы давать.

тонскій.

А гдѣ же Варвара Николаевна?

служкина.

Здѣсь, батюшка, тапцуетъ.

тонскій.

Такъ она въ залѣ?

служкина.

Ахъ, батюшки! — Да неужто въ передней? Разумѣется, въ залѣ. *(Тонскій кланяется и уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНИЕ X.

служкина и вскорѣ докторъ фонъ дахъ.

служкина.

Да что этотъ пустокармаппикъ мнѣ такъ въ глаза лѣзеть? — Зналъ бы сверчокъ свой шестокъ! — А, батюшка Ома Омичъ!

фонъ дахъ.

Страстфуйте, моя матушка Анна Степановна! Страстфуйте!... Ну што? — Какъ наше сторофье?...

служкина.

Худо, отецъ мой, худо! — Голова что-то очень болить.

фонъ дахъ.

Калофка палить.

служкина.

Смерть, батюшка! — Вотъ словно молотками въ виски колотятъ.

фонъ дахъ, беретъ у нея руку.

Пасфолите!... Гмъ, гмъ!... Калофка палить!... Та, та!... Сильна пульсацій... сшень сильна!... Экъ, матушка, матушка!... Все сидитъ за карточка — мала масіонъ, мнѣ ка крофъ...

служкина.

И, Ома Омичъ! — Чтѣ за много!

фонъ дахъ

Очень мнока!... Анна Степановна! — Пускайтъ крофъ — покамуета пускайтъ!... По-

смотреть, какъ Фн красна — а класки — а класки свѣтла, ошень свѣтла... пускайтъ крофъ, матушка—пошалуста, пускайтъ!...

СЛУКНИА.

Не хочется начинать, Тома Томичъ.

Фонъ дахъ, въ пологолоса.

А что скашите мнѣ... *(Начинаетъ говорить съ нею тихо.)*

=

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ХОЛМИНЪ И ВАРНИЦКА.

ХОЛМИНЪ, Варницкѣ.

Да, мой другъ! Въ полночь, коляска будетъ у калитки вашего сада; я стану васъ дожидаться въ моемъ селѣ: ты знаешь, она въ двухъ верстахъ отъ города; тамъ все будетъ готово; вы обвѣнчаетесь, и я отвезу васъ въ мой городской домъ; потомъ...

ВАРНИЦКА.

Ахъ, сердце мое обмираетъ отъ ужаса — Боже мой! — И я должна рѣшиться...

ХОЛМИНЪ.

Вотъ Тонскій! — Онъ расскажетъ тебѣ все подробнѣе.

(Музыка становится слышнѣе, на сцену пходитъ длинный Польскій; въ первой парѣ князь Владиміръ Ивановичъ съ княгиней Ландышевой.)

ТОНСКІЙ, Варницкѣ.

Угодно вамъ Польскій? *(Беретъ ее за руку и входитъ въ средину танцующихъ которые, обогнувъ всю сцену, уходитъ назадъ тѣми же дверьми.)*

ХОЛМИНЪ, подходя къ СЛУКНИНОЙ.

Не угодно ли и вамъ пройдтись со мною.

СЛУКНИА.

Изволь, батюшка! — Да смотри же, будь молодцомъ, проводи меня хорошенько.

ХОЛМИНЪ.

Постараюсь, Анна Степановна.

(Уходитъ вмѣстѣ съ нею, вѣздъ за танцующими.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ комнату перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ I.

ДАША И КОНДРАТЬЕВНА.

Даша стоитъ у боковыхъ дверей съ лѣвой стороны отъ зрителей и смотритъ въ замочную скважину. Кондратьевна выглядываетъ въ полурастворенныя среднія двери.

КОНДРАТЬЕВНА, выходятъ на цыпочкахъ.

Даша, а Даша!... Ну, что?

ДАША.

Почиваетъ.

КОНДРАТЬЕВНА, въ пологолоса.

Экой грѣхъ! — Экой грѣхъ!... Пропали наши головушки.

АКСИНЯ, выглядывая изъ среднихъ дверей.

Кондратьевна!... Что барыня?

КОНДРАТЬЕВНА.

Извольте почивать.

=

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ ЖЕ И АКСИНЯ, выходятъ потихоньку, вскорѣ 1-я и 2-я дѣвушки.

АКСИНЯ.

Что это на бѣду она такъ распочивалась сегодня—о Господи, Господи! — Что будетъ съ нами горемычными! *(1-я и 2-я дѣвуш-*

ки *входить*.) Тсъ! — Тише вы, тише! Экіл ступы проклятыя.

КОНДРАТЬЕВНА.

Аксинья Власевна, ты человекъ умный; придумай, матушка, приставь голову къ плечамъ! Какъ намъ сказать? — Какъ приступить къ такому дѣлу?

АКСИНЬЯ.

По неволѣ скажешь, какъ барыня спросить: «Гдѣ Варвара Николаевна? — Давай «сюда Варвару Николаевну! — Подайвай се! — Гдѣ она?» Гдѣ? А кто ее знаетъ. Эхъ, барышня, барышня! — Богъ тебѣ судья! — Будемъ пить по милости твоей горькую чашу!

КОНДРАТЬЕВНА.

И какъ она прокралась?.. Какъ мы не усмотрѣли?

АКСИНЬЯ.

Ну, вотъ поди ты!

ДАША.

Эхъ, бабушка Кондратьевна! Снявши голову, о волосахъ не плачутъ; что тутъ «какъ прокралась?» Видно, хорошо смотрѣли... Ужъ вы! Не могли укараулить барышни! Сихи-хи!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Да, ты бы укараулила!

КОНДРАТЬЕВНА.

Что и говорить: всѣ безъ вины виноваты!

ДАША.

Всѣ? Нѣтъ, бабушка! Я хожу за барыней, такъ мнѣ за другими смотрѣть нѣкогда — мое дѣло сторона.

КОНДРАТЬЕВНА.

Ахъ, мать моя! Да ты-то что за святая?

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Видишь, какая!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Смотри, какал барыня! — Ея дѣло сторона!

ДАША, первой дѣвущкѣ.

Ты, Дуня, молчи! — Ты всѣхъ виноватѣе.

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Какъ бы не такъ!

ДАША.

Ты спишь подлѣ барышниной комнаты... А гдѣ ты была ночью-то, какъ она убѣжала?

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Какъ, гдѣ?

ДАША.

Да, гдѣ? Чай на улицѣ, за воротами?... То-то и есть, — видали мы!... Оедька пѣсенку поестъ, Андриушка на балалайкѣ, а ты себѣ стоишь да орѣшки пощелкиваешь. Знаемъ мы васъ!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Ну, ужъ хороша и ты!

ДАША.

Что я?

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Да, да! Выпросилась намени въ собачью комедію съ дѣвущкой Филиппомъ, а небось Ванька проводилъ.

ДАША.

Апъ врете, сударыня, цѣ Ванька!

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Такъ деньщикъ этого офицера, что противъ насъ живетъ; вѣдь ты съ нимъ давно всремигиваешься.

ДАША.

Кто? Я? Ахъ, ты лгунья!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

А поминишь, вчерась, что ты передъ окномъ-то любезила?

ДАША.

Ты врешь, ты врешь!

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Да, даромъ ты тянешься! Видишь, корсетница какал!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

А роговой-то гребень съ рѣзбою кто тебѣ купилъ?

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

А томпаковое-то колечко... Небось, на улицѣ нашла?

КОНДРАТЬЕВНА.

Что вы это, мерзкія!... Что вы грызетесь? И васъ!

АКСИНЬЯ.

Да пу ихъ совсѣмъ! Толкуютъ, дуры, кто правъ, кто виноватъ; что тутъ толковать — всѣй придемъ съ повинной головой: воля ея барская, что хочеть, то и дѣлаетъ... Чу!... Никакъ изволила просиуться... (*Подходитъ*

къ двери и смотритъ въ замочную скважину.) Нагъла пудремантъ... Идетъ сюда!.. Тсъ! (Всп уходятъ потихоньку изъ комнаты.)

=

ЯВЛЕНИЕ III.

СЛУЖИЦА, выходитъ въ беломъ пудремантъ и поло-сахъ.

Десять часовъ!... Чай, теперь молодые собираются ко мнѣ просить прошенія... Ну, не проспала я эту почку!... Охъ, этотъ князь, все дѣлаетъ не по-людски!... Ну, кто увозитъ дѣвушку въ такую лунную ночь — я все видѣла изъ окна—какъ онъ встрѣтилъ Вариньку въ саду, какъ вышли изъ калитки... и каркульникъ могъ ихъ увидѣть, да подпалъ тревогу — и дозоръ остановить... Ну, да слава Богу, никто не помѣшалъ. Фу, батюшки, какъ гора съ плечъ! Варинька за-мужемъ, имѣніе при мнѣ, а судиться некому и не за что. «Чѣмъ, дивать, она, бѣдная, виновата», подумаютъ... Вотъ то-то, не знаешь!... Кажется, пустой человекъ этотъ Николай Ивановичъ Холминъ, а пригодился, какъ пригодился! Кабы не онъ, такъ мнѣ бы и въ голову не пришло.

=

ЯВЛЕНИЕ IV.

СЛУЖИЦА И ХОЛМИНЪ.

ХОЛМИНЪ.

Здравствуйте, Анна Степановна.

СЛУЖИЦА.

А, это ты, батюшка Николай Ивановичъ!

ХОЛМИНЪ.

Мнѣ сказали, что вы еще почиваете; но я все таки вошелъ.

СЛУЖИЦА.

Ну что, мой отецъ?

ХОЛМИНЪ.

Все кончено. А вамъ еще, кажется, не докладывали, что Варинька ушла?

СЛУЖИЦА.

Нѣтъ, батюшка; я еще покаместъ ничего не знаю.

ХОЛМИНЪ.

Насилу-то, Анна Степановна, я все уладилъ; да чего мнѣ это и стоило! Ужъ я уговаривалъ, уговаривалъ Вариньку... Не въпечайте, да и только!—Помилуй, матушка, въды ты его любишь? — Я люблю, а безъ согласія мамепьки въпечатся не хочу!

СЛУЖИЦА.

Смотри, пожалуйста!

ХОЛМИНЪ.

Я объявилъ ей рѣшительно, что вы никогда не выйдете се замужъ за того, кого она любить...

СЛУЖИЦА.

Ну!... Что жъ она?

ХОЛМИНЪ.

Заплакала, а къ вѣнцу нейдетъ. Я сказалъ ей, что она не родная ваша дочь и не обязана вамъ слѣпымъ повиновеніемъ...

СЛУЖИЦА.

Ну, ну!... Что жъ она?

ХОЛМИНЪ.

И слушать не хотѣла. Я сталъ доказывать, что это для нея одинъ способъ выйти замужъ, что она вѣчно останется въ дѣвкахъ, если будетъ дожидаться вашего благословенія.

СЛУЖИЦА.

Ну!...

ХОЛМИНЪ.

Въ этомъ-то она согласилась со мною, а въпечатся все таки не хотѣла.

СЛУЖИЦА.

Экая упрямая дѣвчонка!... Батюшкинъ правъ, что и говорить!... Да чего же она хотѣла?

ХОЛМИНЪ.

Чтобъ я далъ честное слово, что выпрошу ей прошеніе.

СЛУЖИЦА.

Вотъ что!

ХОЛМИНЪ.

Нечего было дѣлать: я побожился ей, что вы торжественно и при всѣхъ ее простите. Теперь смотрите же, Анна Степановна, не введите меня въ слово.

слушала.

Такъ она очень этого добивалась?... А не знаешь ли, батюшка, на что ей мое прощеніе?

холодиль.

Она говоритъ, что ей стыдно будетъ на людей смотрѣть, если вы навсегда отъ нея отступитесь.

слушала.

Право?... Такъ у нея нѣтъ ничего другаго на умѣ?

холодиль.

А что такое?

слушала.

Такъ ничего!... Впрочемъ, мы съ княземъ на этотъ счетъ ужъ объяснились и у меня есть кой какіе документки.

холодиль.

Документы, какіе документки?

слушала.

Такъ, батюшка, такъ. Вотъ изволишь видѣть: дѣло мое вдовье, сохрани Боже, навязнется зятю ябедникъ — затаскается по судамъ. Вѣдь за меня, бѣдную сиротинку, вступиться нѣкому... Такъ Варинька хочетъ непременно, чтобы я ее простила?

холодиль.

Да, Анна Степановна, я въ этомъ далъ ей честное слово.

слушала.

Ну, хорошо... Однако жъ, какъ ты думаешь, батюшка, все таки надобно поломаться?

холодиль.

Немножко — да, — по много не совѣтую: это будетъ не натурально. Вы всегда такъ любили Вариньку; ваша нѣжность къ ней всемъ известна, и если вы хотя крошечку пересолите, то злые люди тотчасъ скажутъ, что вы играете комедію.

слушала.

Хорошо, батюшка, хорошо.

холодиль.

Ну, теперь прощайте. Я поѣду къ губернатору, и если до него дошли ужъ объ этомъ слухи, такъ я исподволь приготовлю его къ вашему прїѣзду: опишу ему ваше отчаяніе, горе; надобно, знаете, хорошенько это раскрасить; а вы межъ тѣмъ начинайте ваше

дѣло, да смотрите, небольшою надрывайтесь сначала, поберегите себя къ концу. Ну, прощайте. (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

слушала, одна.

Эхъ, лучше бы не прощать!... Оно бы вѣрнѣе... Конечно, стану говорить, что я это дѣлаю изъ какихъ нибудь видовъ... Да и что жъ я, въ самомъ дѣлѣ, чего боюсь?... А условіе-то, подписанное княземъ, что онъ отказывается отъ приданого; а въ случаѣ, если жена его потребуетъ отъ меня, слѣдующіе ей по духовной, тысячу душъ, то обязанъ заплатить мнѣ пять сотъ тысячъ; вѣдь оно заключено по формѣ, и имѣетъ силу контракта, а контрактъ святъ и ненарушимъ... Однако жъ, не пора ли?... Я думаю... Эй, Дашка! Дашка!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

слушала и даша, остановясь въ дверяхъ.

даша.

Чего изволите?

слушала.

Который часъ?

даша.

Скоро одиннадцать.

слушала.

Какъ я заспалась!... Что, Варинька встала?... Ну, что жъ ты молчишь? Нѣль оглохла?... Да что ты стала въ дверяхъ, дура; войди! (*Даша входитъ; за нею показываются Кондратьевна и Аксинья, первая и вторая дѣвушки, останавливаются въ дверяхъ.*) Что вы? Что вы? Зачѣмъ? (*Вся кланяются и молчатъ.*) Ну, что жъ вы молчите?.. Зачѣмъ пришли?

кондратьевна.

Ахъ, матушка Анна Степановна!

аксинья.

Родная ты наша!

СЛУКНИА.

Да что такое съдѣлалось?

АКСИВЛЯ.

Бѣда, матушка: такой грѣхъ, что и дожить нельзя!

СЛУКНИА.

Да скажете ли вы мнѣ, негодный, что съдѣлалось?... Говори хоть ты, Кондратьевна!

КОНДРАТЬЕВНА.

Что, матушка! Несчастье—да и только: Варвара Николаевна безъ-вѣсти пропала.

СЛУКНИА.

Какъ пропала?

КОНДРАТЬЕВНА.

А такъ, кормилица, спинула да пропала. — Вчера около полуночи она изволила пойти гулять въ садъ, Душянкѣ приказала себѣ не дожидаться, а та съ дуру—то прилегла соснуть, да и прохрапѣла до самаго утра окалица! — Какъ проснулася — глядь, барышни нѣтъ, — постеля не измята — вотъ Душьянка въ садъ: — и тамъ никого, а калитка отперта; какъ она увидѣла, что дѣло-то плохо — ко мнѣ!...

СЛУКНИА.

Ну!...

КОНДРАТЬЕВНА.

Мы подняли всю дворню на ноги, обшарили все мышиныя норки — нѣтъ, какъ нѣтъ!

СЛУКНИА.

Ахъ, Боже мой! Да что жъ это значитъ? Неужели Варинька убѣжала съ какимъ нибудь пострѣломъ?... Быть не можетъ!...

АКСИВЛЯ.

Ахъ, кормилица — видно такъ! Я сейчасъ ходила кушать французскихъ хлѣбовъ къ пѣмцу булочнику, вотъ что живетъ позади нашего сада. — «Все ли у васъ здорово?» спросилъ онъ у меня. — «А что, Францъ Иванычъ?» — Да такъ, вчера этакъ въ полночь подлѣ калитки вашего сада стояла коляска, и я самъ видѣлъ, какой-то баринъ вышелъ съ вашей барышней изъ саду, сѣли въ нее, да и по всѣмъ по тремъ.

СЛУКНИА.

Ахъ, Господи!... Такъ въ самомъ дѣлѣ... она ушла!... ушла изъ моего дома!... А вы то на что? — Чего вы смотрѣли — карету!... Ужъ я съ вами раздѣляюсь!... Одѣваться ско-

рей — сейчасъ!... Ахъ, срамъ какой!... Бѣгите къ Николаю Ивановичу, скажите ему, что я послала къ губернатору... Что стоите? Ступайте вонъ!... (*Вся, кромѣ Даши, уходитъ.*) Вотъ до чего дожила!... Антонъ и Филька повдуть за каретою!... Ахъ, батюшки мои свѣты — что это?... Дашка, черную шаль!... Да поворачивайся, негодная!... Государи мои, что это? Бѣлый чепецъ! да Богаради — карету, скорый карету!...

=

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ХОЛМНИЦЪ.

СЛУКНИА, идя къ нему навстрѣчу.

Николай Ивановичъ!... Батюшка!... Знаешь ли, какая бѣда съдѣлалась?

ХОЛМНИЦЪ.

Знаю, Анна Степановна, знаю! (*Тихо.*) Хорошо, хорошо! (*Громко.*) Мнѣ пужно съ вами поговорить наединѣ.

СЛУКНИА, Даша.

Пошла вонъ! (*Даша уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНИЕ VIII.

СЛУКНИА И ХОЛМНИЦЪ.

ХОЛМНИЦЪ.

Къ вамъ сейчасъ будетъ губернаторъ.

СЛУКНИА.

А я къ нему ѣхала.

ХОЛМНИЦЪ.

Все равно. Я повстрѣчался съ полиціймейстеромъ, онъ сказалъ мнѣ, что губернатору все извѣстно — и что его превосходительство вмѣстѣ съ предводителемъ ѣдетъ къ вамъ. А какъ они должны думать, что это очень васъ поразило, то привезутъ съ собою доктора.

СЛУКНИА.

Оному Оомича?

ХОЛМНИЦЪ.

Да, онъ на ту пору случился у губернатора. Ну, Анна Степановна, смотрите, не ударьте

лицемъ въ грязь! Боже сохрани, если замѣтять, что вы играете комедію. Это должно для всѣхъ въ мірѣ остаться тайною. — На мой счетъ — вы совершенно можете быть спокойны: сдержите ваше слово, простите Вариньку, и эта тайна умретъ со мною. — Надѣюсь, вы понимаете, какъ это важно? И малѣйшее подозрѣніе можетъ васъ совершенно погубить въ общемъ мнѣніи; а если на бѣду откроется вся истина, то вы совсѣмъ погибли, весь городъ на васъ обрушится — чего добраго: пожалуй, эту невинную хитрость назовутъ подборомъ, стачкою, фальшивымъ поступкомъ, вмѣшаютъ правительство — а вы знаете, Анна Степановна, какъ у насъ судить дворянъ за фальшивые поступки?

слушала.

Ахъ, знаю, батюша, знаю!... Лишаютъ чиновъ и дворянства... Только воля твою, гдѣ жъ тутъ фальшивый поступокъ.

холодиль.

Какъ гдѣ? — Да развѣ вы не должны будете привести жалобу губернатору? Развѣ не станете кричать, что Вариньку увезли, что она обвинялась безъ вашего вѣдома и согласія? Вѣдь чѣмъ болѣе вы нагнетаете шуму, тѣмъ невиннѣе будете казаться въ глазахъ тѣхъ, которые по милости вашей останутся въ дуракахъ.

слушала.

Правда, мой отецъ, правда!

холодиль.

Губернаторъ знаетъ только, что Варинька убѣжала, а съ кѣмъ убѣжала, это ему не извѣстно — такъ смотрите же. Если онъ спроситъ, на кого вы имѣете подозрѣніе, не вздумайте намекнуть на князя: онъ изъ всѣхъ Варинькинскихъ жениховъ самый выгодный; следовательно, тотчасъ можетъ родиться подозрѣніе, что тутъ есть съ вашей стороны хитрость и подборъ.

слушала.

Правда, Николай Ивановичъ, правда!

холодиль.

Стойте въ одномъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

слушала.

Слушаю, батюшка.

холодиль.

Погодите, я на васъ посмотрю!... Глаза-то у васъ — да!... вовсе не заплаканы. Эхъ, не догадались, матушка, хрѣну попохаты!

слушала.

Вотъ Николай Ивановичъ у меня пузырекъ съ пашатырнымъ спиртомъ.

холодиль.

Все равно! — Нюхайте, нюхайте! — Чу!... Никакъ прѣхали?... Да что это у васъ шаль какъ пахнетъ!... Помылуите! Что вы, съ визитами что ли ѣдете? Набросьте ее какъ побудь... Переверните на изнанку!... Вотъ такъ!... А чепецъ-то, чепецъ!...

слушала, хватался за голову.

Что такое, батюшка?

холодиль.

Точно на балъ собрались! — Да слерните его на одну сторону... Понзопните! — Чтобъ во всемъ было замѣтно горе, отчаяніе... безпорядокъ — хорошо... идуть! (*Входитъ два лакея и ристворляютъ пастежь двери.*) Ну, матушка! — прививайтесь!

слушала, встаетъ и опирается на Холодина, идетъ къ дверямъ.

Гдѣ его превосходительство? гдѣ? — Ведите меня къ нему!... Ведите!... Ахъ, батюшки мои свѣты!... Поги не идуть!

холодиль, въ полголоса.

Славно, Анна Степановна, славно! — Только пожалуста, не такъ налегайте — тяжело, матушка!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же, губернаторъ, предводитель и фонъ дахъ.

слушала.

Ахъ, батюшка ваше превосходительство! Отецъ ты нашъ!... Помогни, спаси!...

губернаторъ, беретъ ее за руку и усаживаетъ въ кресла.

Успокойтесь, сударыня! Будьте увѣрены, я слышу все, что отъ меня зависитъ. Я сейчасъ узналъ, что Варвара Николаевна...

СЛУКНИА.

Вотъ, ваше превосходительство, до чего я дожила... Какой позоръ!... Уйти изъ моего дома, убѣжать Богъ знаетъ съ кѣмъ...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Какъ? — Такъ вы не знаете?

СЛУКНИА.

Нѣтъ, ваше превосходительство, какъ Богъ святъ — не знаю.

ГУБЕРНАТОРЪ.

И не имѣете даже подозрѣнiя?

СЛУКНИА.

Не имѣю — видитъ Богъ, не имѣю! — Да и кого могу подозрѣвать?... Какъ могло мнѣ придти въ голову, чтобъ дочь покойнаго моего Николая Степановича рѣшилась на такое дѣло? Ахъ Господи, да неужели бы я стала противиться ея склонности? — Ужъ я ли не любила, я ли не тѣшила ее благодарную — на всѣхъ пошлаюсь: въ глаза ей смотрѣла, слувала съ нее каждую порошинку... и чѣмъ же она мнѣ отплатила! — Ахъ, я несчастная!... Ахъ, тошно!... Батюшки мои, тошно!... Смерть моя!... *(Падаетъ съ обморокъ.)*

ГУБЕРНАТОРЪ.

Воды! — Скорѣй воды! — Ей дурно!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Однако жъ она вовсе не поблѣднѣла.

ФОНЬ ДАХЪ, щупаетъ у нея пульсъ.

Пасфольте!... Гмъ, гмъ!... пульсъ очень, весьма фисока!... Кръпка прилифъ крофъ къ калафъ... Эта мошегъ имѣить сурiосна результатъ. Сей шасъ натапно пускантъ крофъ!...

ХОЛМИНЪ.

Вы думаете?

ФОНЬ ДАХЪ.

Та, та! — Пасфольте, со мной кависъ есть лансетъ — iя, iя!... Гей, слуга!.. Тарелка, плотенсъ — скорѣй — хешвицъ!.. Не натапно терянтъ не отпа минутъ, зафоротить рукафа — котъ на праца рукъ — все рафно!

СЛУКНИА, вскочивъ съ кресель.

Что вы, что вы?

ФОНЬ ДАХЪ.

Нишего, моя сутаринъ — пишего! Петер-пить отпа минутъ; вамъ пата перемѣнно пускантъ крофъ!...

СЛУКНИА, отталкивая ФОНЬ ДАХА.

Ахъ, батюшка, зачѣмъ? — На что? Подите прочь, подите прочь!...

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Какъ вы себя чувствуете?

СЛУКНИА, садясь опять.

Крошечку получше! — Охъ, батюшка ваше превосходительство — что мнѣ дѣлать? къ чему приступить? — Надоумте меня, посоветуйте!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Если вамъ угодно знать мое мнѣнiе, такъ вотъ оно: вѣроятно Варвара Николаевна уже обивъчана, следовательно этого пере-мѣнить нельзя; на вашемъ мѣстѣ, я простилъ бы ее.

СЛУКНИА.

Какъ, батюшка ваше превосходительство, вы мнѣ советуете...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да вы сами говорили, что не стали бы противиться ея склонности.

СЛУКНИА.

О, конечно бы не стала... по разсудите милостиво...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Я не оправдываю поступокъ вашей падчерицы; она дурно сдѣлала, что не имѣла къ вамъ склонности, вы такъ ее любите...

СЛУКНИА.

Какъ родную дочь, видитъ Богъ какъ родную.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

А если такъ, сударыня, такъ будьте же до конца вѣжной матерью: простите ее!

ХОЛМИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна — Добро-бы дѣло то было поправное, а то что толку и себя надрывать и ихъ мучить. — Эхъ, матушка, простите ее! *(Входитъ слуга и шепчетъ на ухо Холмину.)*

СЛУККИНА.

Ну, если всё меня пресвятъ — такъ видно пришлось простить!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Но, можетъ быть, тотъ, за кого она вышла за-мужъ...

СЛУККИНА.

Да кто бы онъ ни былъ — все равно! — Нѣтъ, батюшка ваше превосходительство, по моему, прощать — такъ прощать; онъ мужъ ея, такъ я и его буду любить, какъ роднаго сына.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Какъ вы добры, Анна Степановна.

СЛУККИНА.

Что жъ дѣлать, Алексѣй Ивановичъ! — Знаю сама, что это слабость, да ужъ у меня натура така.

ХОЛМИНЪ, Губернатору.

Вы изволили слышать: Анна Степановна добровольно, по одному побужденію своего добраго сердца, прощаетъ мою крестницу...

(Входитъ слуга и шепчетъ на ухо Холмину.)

ГУБЕРНАТОРЪ.

Мы всё этому свидѣтели.

ХОЛМИНЪ.

Анна Степановна, они пріѣхали — позволяйте имъ войти.

СЛУККИНА.

Охъ, постой, батюшка! — Постой! — Дай собраться съ духомъ... Сердце-то у меня, сердце — вотъ такъ выскочить и хочетъ!

ФОНЪ ДАХЪ.

Анна Степановна!... Прафа не мѣшантъ пускать фамъ крофъ — фи фъ такой волценя...

СЛУККИНА.

Эхъ, отвяжитесь, Оома Оомичъ! — Ну!... Пусть войдутъ... О Господи, укрепи меня грѣшнику!

(Холминъ подходитъ къ дверямъ и подаетъ знакъ, чтобъ они вошли; Слуккина сидитъ, закрывъ рука ин лицо.)

=

ЯВЛЕНИЕ X.

тѣ же и Варинька, а позади ея тонскій

ХОЛМИНЪ, подводитъ къ Слуккиной Вариньку.

Вотъ она!

СЛУККИНА.

Ну, Варинька, — Богъ тебѣ судья! — Огорчила ты меня на старости... да такъ и быть, Господь съ тобой! Я прощаю тебя, мой другъ! . . . (Обнимаетъ ее.) Да гдѣ же твой мужъ?

ВАРИНЬКА, отсторонясь.

Вотъ онъ, маменька.

СЛУККИНА, одеревенѣвъ отъ ужаса.

Тонскій!...

ХОЛМИНЪ, тихо.

Молчите, Бога ради, молчите! — Насъ обманули!

СЛУККИНА.

Что это, что это?... (Вскочивъ.) Цѣть! Не прощаю!

ХОЛМИНЪ, тихо.

Что вы, что вы?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да вы ихъ ужъ простили, сударыня; мы всё были этому свидѣтели.

СЛУККИНА.

Но могла ли я вообразить... я думала...

ХОЛМИНЪ, тихо.

Опомнитесь! Что вы?... А фальшивой-то поступинокъ...

СЛУККИНА, падая въ кресла.

Ахъ, смерть моя!

ТОНСКІЙ, Слуккиной.

Я не знаю, чѣмъ могъ заслужить, сударыня...

СЛУККИНА, тихо Холмину.

Злодѣй!

ХОЛМИНЪ, тихо.

Послѣ, матушка, послѣ.

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ЗАРЬЦКАЯ И КНЯГИНЯ ЛАНДЫШЕВА.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Анна Степановна, что вы? Какъ вы себя чувствуете?

ЗАРЬЦКАЯ.

Успокойтесь! — (Княгиня.) Мы, кажется, попали въ самую интересную минуту.

ХОЛМИНЪ, Княгиня.

Жаль, что вы немного опоздали — и не могли вмѣстѣ съ нами полюбоваться поступкомъ Анны Степановны.

СЛУКНИА, тихо Холмину.

Барварь!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Да, Анна Степановна поступила въ этомъ случаѣ, какъ истинная мать.

ХОЛМИНЪ.

И какъ самая благородная женщина. — Если бы она не простила Барвару Николаевну, то имѣла бы, на основаніи духовной покойнаго мужа, полное право не выдать ей слѣдующую часть имѣнія; Анна Степановна не посмотрѣла на это, забыла свой собственный интересъ.

ЗАРЬЦКАЯ.

Какой благородный поступокъ!

КНЯГИНЯ.

Какъ это великодушно!

ХОЛМИНЪ.

Она могла простить ее падишѣ, съ глазу на глазъ — такъ нѣтъ! Анна Степановна

сдѣлала это при начальникахъ губерніи — публично, чтобы не было никакой возможности остаться Барварѣ Николаевнѣ безъ приданого.

СЛУКНИА, тихо.

Молчи, палачъ!... Задыхаюсь!

ЗАРЬЦКАЯ.

Ахъ, Анна Степановна, какую это дѣлаетъ вамъ честь.

ГУБЕРНАТОРЪ.

Это истинно-отличный поступокъ.

ХОЛМИНЪ.

Да, не подумайте чтобы часть имѣнія, которую она такъ великодушно, такъ безкорыстно уступила своей падчерицѣ, была какая нибудь бездѣлка; нѣтъ, милостивые государи, тысячу душъ!

СЛУКНИА,

Тысячу душъ! — Нѣтъ силъ! Ахъ, тошно! Душно — умираю!...

КНЯГИНЯ.

Что съ вами?...

ВАРИШКА.

Ахъ, маменька!

ХОЛМИНЪ.

Успокойтесь.

СЛУКНИА.

Подите прочь!... Подите прочь!... Тысяча душъ... Дурно, дурно!... Ахъ, смерть моя!... Ома Оомичъ, пустите мнѣ кровь!

(Фонъ Дахъ засучиваетъ ей рукавъ и вынимаетъ ланцетъ; все около нея суется.)

В
н
т
р
я

